

СПЕЦНАЗ ДРЕВНЕЙ РУСИ

ИЛЬЯ КУЛИКОВ

ДРУЖИНА
ОКАЯННОГО
КНЯЗЯ

Спецназ Древней Руси

Илья Куликов

Дружина окаянного князя

«Яуза»

2018

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Куликов И. Ф.

Дружина окаянного князя / И. Ф. Куликов — «Яуза»,
2018 — (Спецназ Древней Руси)

ISBN 978-5-6040911-0-4

Каждый найдёт, за что мстить брату. Окруженные лжецами, хитрецами и героями, сыновья князя Владимира Святого обильно полиют родную землю кровью, дабы к власти пришел один князь. История назовет князя Святополка Окаянным, а его противника Ярослава – Мудрым. Но, как известно, историю пишут победители. За каждым из братьев стоят верные воины, элитные бойцы, которых сегодня назвали бы спецназом. Им неведом страх. Они воспитаны победами и не могут признать поражения. Им лучше умереть, чем склониться.

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-6040911-0-4

© Куликов И. Ф., 2018
© Яуза, 2018

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Илья Куликов

Дружина Окаянного князя

Глава 1

Боярин Елович и боярин Талец сидели в тени деревьев. На улице было жарко. Солнце парило, и казалось, что от него нигде не укрыться.

Боярин Елович был далеко уже не молодым человеком. Он давно разменял седьмой десяток. Боярин Талец был на несколько лет младше Еловича. Оба боярина были с князем Владимиром уже много лет, и оба они в своё время приняли крещение: Елович с именем Николай, а Талец с именем Марк.

Боярин Елович после того, как принял крещение, о старой вере и не вспоминал, как и большинство киевлян, хотя супруга Еловича, хоть крестилась, но старую веру не оставила. Впрочем, за годы, прошедшие с той поры, многое изменилось. У каждого из бояр появились внуки, которые уже не представляли другой веры, кроме Христовой, да и младшие из сыновей христианство считали единственно правильной верой.

– Талец, – обратился Елович к своему собеседнику, – князю Владимиру очень плохо. Не думаю, что он долго протянет.

Талец помолчал и, вытерев рукавом пот, который струился по лбу, произнёс:

– А ведь князь-то ещё и не так уж стар. Шестой десяток идёт.

– А ран он сколько получил? В разы больше, чем мы с тобой вместе взятые. Он всегда впереди своих людей шёл. А сколько несчастий на его долю выпало! Сколько он страдал! Нет, не будет он бороться за жизнь. Я с ним говорил утром, он всё по-прежнему зло на Ярослава держит, обвиняет его в том, что тот отказывается почитать отца.

– Конечно, отказывается, – сказал Талец, – князь Владимир хочет посадить в Киеве после себя своего сына Бориса, а со старшими сыновьями он крепко поругался. Святополк у него в киевской темнице томится за попытку захватить власть, а теперь и Ярослав стал ему врагом. Князь хочет, чтобы Борис, когда из похода на печенегов вернётся, двинул дружину в Новгород и привёл Ярослава, брата своего, в цепях к отцу.

– Сложно всё, – задумчиво произнёс Елович, – раньше, во времена наших дедов, всё было иначе. Теперь с новой верой как бы есть только одна жена, а что же теперь, дети от остальных жён как бы не совсем законные?

– Это ещё хорошо, что гречанка Анна только дочь родила, а коли был бы сын, то получилось бы, что он законный наследник от жены, а все остальные ублюбки.

– Не знаю, о каких убудках можно говорить, но князь Владимир с Рогнедой любили друг друга и были супругами. Свадьба только у них была другой. Не праздник, а скорее тризна. Гордая дочь Полоцка в своё время отказалась умыться ногам сыну рабыни, а когда тот женился на ней, то ведь была верной женой. Семь детей у них родилось. Рогнеда ведь, как Владимир на гречанке женился, всё же приняла Христову веру. Отказалась выйти замуж за любого из бояр и решила закончить жизнь в монастыре, сказав: «Была я княгиней, ей и останусь».

– В общем, скажу я тебе следующее, боярин Елович, – неспешно проговорил Талец, – быть после смерти князя Владимира на Руси сильной сware. Много крови прольётся, прежде чем всё станет на свои места.

Оба боярина неторопливо встали и протянули руки к квасу, который им заботливо поднесла челядинка.

– Скажи мне, Родимка, – обратился боярин Талец к девушке, – а князь там как себя чувствует, хорошо ли?

– Да не сказала бы. Он ведь сейчас словно в забытьи. То с супругой своей разговаривает, то с сыном Вышеславом.

Бояре замолкли, так как знали: грустная история была связана со старшим сыном князя Владимира. Вышеслав родился от Олавы, самой первой жены князя, которая быстро умерла. Князь Владимир всегда хотел передать ему свою власть, но не судьба. Вышеслав погиб пять лет назад, и пал он вовсе не от меча или хвори, а отправившись за невестой в Скандинавию, где Сигрид, к которой он сватался, сожгла его заживо в бане.

После его смерти поговаривали о том, что князь Владимир двинет свои полки на варягов, но тут всё было не так-то просто. Дело было в том, что история была очень тёмная. Начинать из-за этого войну было бы неправильно. Талец вспомнил, как сам отговаривал князя от этого поступка. Баня могла загореться и без посторонней помощи. Впрочем, Сигрид навсегда получила славу, равную славе княгини Ольги.

Родимка приветливо улыбнулась и покинула бояр, не желая мешать их разговорам.

– Вот чего я у тебя спрошу, Талец, – сказал боярин Елович, – когда князь умрёт, что делать станем? Надо бы нам с тобой сообща это решить. Если мы поступим неверно, то может так получиться, что вся Русь зальётся кровью.

– Елович, у кого дружина, тот и князь. Дружина у князя Бориса Владимировича Ростовского. Именно его и послал князь Владимир побить печенегов, и, судя по всему, именно ему и суждено стать Киевским князем. Ну а дальше, сам понимаешь, начнётся кровавая распря и будет идти она до той поры, пока все несогласные не умолкнут. Я сначала думал, что к власти придёт Ярослав. Он и по годам старше, и всё же в Новгороде сидит, но после того, как он перестал десятину церкви перечислять и положенные Киеву две тысячи гривен платить, то не думаю, что у него есть шансы. Хромой сынок Рогнеды, видимо, ничего не получит. Да и Новгород, думаю, не удержит.

– А Святополк, сын двух отцов? Он сидит в заточении вместе со своей женой, которая, между прочим, дочь князя Болеслава Толстяка!

– Я бы лучше называл его Храбрым, так как сей витязь хоть и прославился своим чревоугодием, но и доблесть на поле боя проявлял всегда. Князь Польши сможет повлиять. Владимиру, князю нашему, он был не соперник, но теперь едва ли он будет спокойно смотреть на то, как его доченьку в темнице держат за участие в заговоре против того, кого уже похоронили.

В это время к боярам подошла всё та же челядинка, которая до этого приносила им квас. Она присматривала за князем, который то находился в беспмятстве, то сгорал от жара.

– Князь вас зовёт!

* * *

Бояре Талец и Елович вошли в терем, где умирал князь Владимир. Внутри находился епископ грек Анастас, духовник князя Владимира. Он неустанно шептал молитвы и словно не заметил вошедших бояр.

Князь Владимир приподнялся, но с постели не встал. Даже сейчас было видно, что воля этого человека негибаема.

Талец вспомнил, как много лет назад князь Владимир прославился как один из самых яростных правителей-язычников, сильно опередив в этом своего отца князя Святослава Неистового, а потом резко повернулся к христианству.

Каждый видел в этом шаге то, что хотел увидеть. Одни видели в его крещении и крещении всей страны желание взять в жены царевну Анну, сестру императоров византийских Василия и Константина, а другие – особую политическую выгоду, торговые договора и прочее.

Сам Талец об этом не сильно задумывался. Он верил раньше в Перуна и славянских богов, а потом стал верить в Христа и меньше всего понимал, почему те, кто верит и принял крещение по греческому обряду, враги тем, кто принял крещение по римскому. Владимир крестил Русь, и теперь только, пожалуй, старики и чернь иногда задумываются о правильности выбора князя. Он стал стариком и поэтому задумался.

Если бы не было принято крещение, то что бы сейчас было? Может быть, Владимир повторил бы судьбу своего отца Святослава, обрушившись на Византию и наконец сокрушив её.

Князь Владимир долго молчал, а затем неспешно произнёс:

– Чего, други, прощаетесь уже со мной? Как после меня, думаете, Русь кровью зальётся?

– Княже, не ведаем мы, что будет дальше, – ответил за себя и за Еловича Талец, – коли чувствуешь слабость и знаешь, что жизнь твоя на исходе, то назови кто из сыновей сменит тебя.

Владимир тяжело вздохнул и, помолчав, ответил:

– А какое бы имя я не назвал, роли это не сыграет! Святополк, сын моего брата или мой сын, дитя страшного греха, заключён в темнице. По праву он должен стать моим преемником. Но разве он может занять это место? Я принимаю его как сына, но он решил отвернуться от моей веры в угоду своей супруге и её духовнику епископу Рейнберну и принять крещение по латинскому обряду. Мой друг, епископ Анастас, разоблачил его.

Епископ Анастас ничего не сказал и никак не отреагировал на упоминание его имени, а всё так же бормотал молитвы.

– Княже, так кого ты хочешь видеть своим преемником? Все христианские государи передают наследование старшему из своих сыновей. Коли Святополк не гош, то можно посчитать, что он сын твоего брата Ярополка и посему не должен тебе наследовать. Тогда князем Киевским станет Ярослав.

– Други, я же сказал: какое бы имя я не назвал, это не убавит крови. Я хотел, чтобы мои дети, приняв христианскую веру, не пошли тем путём, что пошли мы с братьями. После смерти отца мы тут же стали врагами.

– Так не бывает, князь, – сказал боярин Елович, – и ты не сможешь этому воспротивиться. В боях кто-то становится сильным, а кто-то умирает. Но если ты выберешь того, кто кажется тебе сильным и кому будет служить твоя дружина, то, может быть, мы избежим чрезмерного кровопролития.

– Не избежим. Кого бы я не назначил своим преемником, эти слова не будут иметь значения после моей смерти. Слова мёртвых никогда ничего не значат. Но передайте моему преемнику, чтобы он крепко стоял в вере христианской и понимал, что если отойти от света, то попадёшь во тьму, тьму минувших веков, и в этой тьме ты пропадёшь.

– Передадим, княже, – сказал Талец.

Епископ Анастас встал со своего места и подошёл к князю Владимиру.

– Бояре, – произнёс грек, – пора князю помолиться о своей душе, а вам покинуть его. Господь послал ему последние минуты жизни, чтобы покаяться и отойти на Суд Господень с чистой совестью.

Бояре вышли из комнаты, где лежал умирающий князь. Лет тридцать назад такой смерти стыдились и считали достойной смерть в бою.

– Елович, – сказал боярин Талец, – будет на Руси страшная война, вот увидишь, и чует моё сердце, прав князь – преемник, кого ты им не назови, не остановит её.

– Князь тяжело болен, и разум его уже не тот, – ответил боярин Елович, – он послал во главе своей дружины Бориса, и нам надо считать именно это знаком его воли. Борис должен стать князем Киевским.

– Почему ты так считаешь?

– Потому что дружина уже сейчас рядом с ним. Вспомни, в своё время Владимир, несмотря на то что был самым младшим из братьев, добился Киевского стола. Младшие сыновья куда сильнее стремятся к власти, нежели старшие. Борис станет вторым Владимиром и самым достойным его преемником.

В это время из терема вышел епископ Анастас и скорбным голосом провозгласил:

– Закатилось Красное Солнышко, умер христианский князь Владимир Святославович!

Грек отлично владел русским языком и за годы, прожитые на Руси, изжил даже акцент, но он всё равно оставался греком.

Бояре Талец и Елович тут же переглянулись. Секунду назад они были как бы оба друзьями великого князя, а теперь, когда тот умер, каждый стал сам по себе и думать должен был прежде всего о своих интересах.

– Талец, я поеду к Борису и сообщу ему о смерти отца. Он должен вместе с дружиной вернуться в Киев и сесть там князем, а ты вези-ка тело князя в столицу и готовь к погребению!

– Нет уж, Елович, так дело не пойдёт. Давай лучше наоборот. Я сам сообщу Борису эту весть, а ты займись похоронами. Так будет правильной!

Бояре вновь переглянулись. Каждый из них понимал, что весть о смерти князя Владимира очень важна, так как тот из сыновей, кто будет действовать решительнее, станет впоследствии не просто старшим, но и полноценным хозяином Руси. Тот, кто узнает первым о смерти отца, будет на шаг впереди других, а, значит, того, кто доставит эту весть, озолотят и возвысят.

– Бояре, – сказал епископ Анастас, – поскольку я лицо духовное и мне в любом случае потребуется ехать в Киев, я так и сделаю, а вы отправитесь к князю Борису, сообщите ему о смерти отца и посоветуете ему как можно скорее вернуться с дружиной в столицу и сесть там править.

– Добро! Пусть так и будет. Послушай, Анастас, – Талец не посчитал нужным обратиться к духовному лицу как полагается и назвал его просто по имени, – только ты вези князя тайком, а ещё лучше заверни-ка его в ковёр, чтобы кто случайно не пронюхал о том, что Владимир умер.

– А где эта милая девушка, которая помогала князю при болезни, – спросил боярин Елович, – куда это она подевалась? Ведь она тоже знает о смерти князя, а до того, как князь Борис придёт сюда с дружиной, лучше, чтобы никто больше об этом не знал.

Бояре и епископ осмотрели двор, но девушки не было. Конечно же, они понимали, что едва ли она побежит на всех переулках кричать о смерти князя, но и доверять ей полностью им не хотелось, особенно в таком деле.

– Солнышко уходит за тучу, – задумчиво произнёс Елович.

– Ты лучше бы не на солнце смотрел, а на то, куда эта девка подевалась и вообще откуда она взялась. Кто её родители и какого она роду-племени?

– Да не знаю я! А самое главное, боярин, – сказал полушёпотом Елович, – не задавался ли ты вопросом, от чего у князя хворь приключилась и от чего он помер? Всё же он даже младше нас с тобой. Может быть, здесь чья-то рука?

– Да ну брось ты, – отозвался боярин Талец. Было видно, что он уже не раз обдумывал эту мысль, но пока князь был жив, её нельзя было озвучивать.

– Эта девка не могла бы его отравить, так как она и нужна была только для того, чтобы князю лекарства давать во время болезни. Мы и её-то еле нашли. Князь Владимир лишних людей здесь видеть не хотел и из челяди предпочитал видеть дев, а не мужей. Это его старый грешок.

Все замолчали. Никто не хотел дальше об этом говорить. Все понимали, что князь Владимир не был старым человеком, но что самое удивительное, все ждали его смерти и теперь, когда он наконец умер, никто не удивился. Хуже было другое. Все знали, что после его смерти Русь изменится. Теперь время изменений настало.

* * *

Невдалеке раздался женский крик, и все трое поспешили на него. Около терема рядом с конюшнями бояре и епископ увидели челядинку Родимку, прижимающую руки к животу.

Боярин Талец тут же склонился над ней и, погладив по голове, убрал её руку от живота, из которого струилась кровь.

– Она не жилец. Анастас, помолись о ней, если она, конечно, Христовой веры.

Последнюю фразу боярин Талец сказал потому, что на груди у Родимки висели и языческие обереги, и крестик. Такое теперь можно было часто увидеть на Руси. Многие до конца не понимали и не разбирались во всех тонкостях веры и предпочитали верить и в Перуна, и в Христа.

Епископ Анастас сорвал с шеи девушки языческие обереги и брезгливо отбросил их, а после погладил умирающую по голове.

– Её убили потому, что она знает о том, что князь умер, – озвучил очевидное боярин Елович, – и сделали это либо для того, чтобы об этой новости никто не узнал, либо, напротив, пытались узнать, мёртв ли князь.

– Какая теперь разница, – к удивлению всех, совершенно безразличным голосом произнёс Талец, – жалко, конечно, девку, но смерть князя всё равно долго не утаить. Надо нам с тобой, боярин, не лясы здесь точить, а ехать к князю Борису, и чем быстрее, тем лучше, а то как бы кто кому-нибудь из других сынов Владимира весть эту не принёс. В любом случае, счёт идёт на часы.

– Может, постараемся словить душегуба? – спросил боярин Елович. – Дорога тут одна, и коли он в Киев направился, то по ней и поскакал. Там в другом тереме, в котором люди князя расположились, найдём охотников. Следы свежие, и поймать душегуба будет несложно.

– И сорок воинов, что расположились в гостевом тереме, узнают о том, что князь Владимир умер. Одного поймаем, а остальных упустим.

– Бояре, а кажется, я знаю, кто душегуб, – вмешался епископ Анастас. – Душегубом должен быть один из дружинников. Скорее всего, его подкупили люди Ярослава или Святополка, чтобы он выведал, когда князь умрёт. А от кого это узнать можно, как не от человека, который ухаживает за больным князем? Душегуб сейчас, скорее всего, вернулся в гостевой терем и ждёт темноты, чтобы спокойно улизнуть, и не страшится он никакой погони. Поймать его мы не сможем, но дело своё должны делать. Я повезу князя в Киев, а вы приведёте туда его преемника и княжескую дружину. Таким образом, мы, возможно, избежим кровопролития.

Оба боярина криво усмехнулись.

– Может быть, на какое-то время и избежим, если дружина поддержит преемника, но она может и сама себе князя выбрать.

Любой князь всецело зависел именно от дружины. Нет, конечно, город, в котором он правил, тоже многое значил, но как раз чем лучше город, тем больше людей мог содержать князь и тем сильнее он был. Города, конечно же, тоже могли собрать войско, но оно было куда хуже княжеской дружины. С другой стороны, чем лучше город, тем больше охотников обладать им. Впрочем, все понимали, что тот, кто получит дружину, сядет править в Киеве, а те, кто будет против, побегут в Скандинавию и постараются позвать на Русь варягов, чтобы эти отважные воины за награду посадили их на княжеские столы.

Так было, когда умер Святослав, так будет и теперь, но это не означало, что жизнь закончилась. По-прежнему необходимо есть, пить, желательно вкусно, и хотелось быть уважаемым человеком. А значит, надо быть с тем, кто силён. В своё время и Елович, и Талец сделали правильный выбор, предпочитая быть с князем Владимиром, а не с его братом Ярополком, но тогда они были молоды и скитаться вместе с Владимиром по Скандинавии им было за радость. Теперь они обжились на Руси и покидать её не хотели. На Руси должен сесть тот князь, что сможет удержать её, и только это позволит им дожить свой век в достатке и передать детям вовсе не малые средства. Оба старых боярина это понимали и не собирались действовать вразрез со своими интересами.

Для епископа Анастаса надо было сохранить дело князя Владимира – христианизацию страны, и уберечь её от возможного перехода в язычество, или, что ещё хуже, принятия христианства по западному образцу.

Поэтому князь Святополк, сидящий в темнице в Киеве, другом ему быть не мог.

Уже через несколько часов двое бояр и несколько десятков воинов спешно двигались к рати князя Бориса Ростовского, а епископ Анастас вместе с оставшимися воинами с наступлением сумерек, завернув князя Владимира в ковёр, отправился в Киев как ни в чём не бывало, словно он не вёз тело всеми любимого князя, а просто возвращался от него в столицу.

Глава 2

Князю Святополку было тридцать шесть лет. На Руси его считали сыном двух отцов. Это было вполне понятно, так как мать Святополка была супругой брата Владимира Ярополка, а после его смерти Владимир взял её себе в жены. Когда Святополк родился, то сразу поползли слухи, что он вовсе не сын князя Владимира, а сын князя Ярополка.

Князь Владимир особого интереса к мальчику не проявлял, так как в то же время у него от другой его жены, куда более любимой, родился сын, которого нарекли Ярославом, и кроме того, были в те дни живы ещё два старших сына – Вышеслав и Изяслав. В тот момент многие говорили, что Святополк на самом деле сын Ярополка и что его мать, когда князь Владимир её взял, была в тяжести, но увидеть это было в то время было невозможно.

Князь Владимир признал Святополка своим сыном, но особо в его воспитании участвовать не собирался. Всё стало меняться в последние годы. После смерти Изяслава и Вышеслава возник вопрос о старшинстве среди сыновей Владимира. По возрасту старшим сыном стал именно Святополк, который родился волей случая на несколько месяцев раньше сына Рогнеды и Владимира Ярослава. От отца князь Святополк получил в управление Туров и вскоре женился на дочери польского князя Болеслава Храброго.

Отношения между князем Владимиром и Святополком стремительно ухудшались и из-за вопросов веры, и из-за вопросов наследования, так как князь Владимир хотел видеть наследником своего сына Бориса, которого любил больше других и которого любили киевляне, считая его полной копией отца.

Князь Святополк ещё не знал о том, что его отец Владимир умер. Он находился в заключении вместе со своей женой, княгиней Владиславой Болеславовной.

Владиславе было двадцать лет. Проводимые в подземелье дни очень плохо сказались на ней. Женщина лишилась ребёнка, которого они ждали, а её супруг бессильно сжимал кулаки.

– Владя, – ласково проговорил князь Святополк, смотря на супругу, которая сидела в углу и прижимала руками колени к голове, – перестань изводить себя! У нас будут другие дети, а этого не воротишь.

– Я ненавижу твоего отца! Я готова его убить!

– Какого из? Владимира, который меня считает Ярополковым ублюдком, или Ярополка, который умер до моего рождения?

– А кого ты считаешь своим отцом?

– Да никого.

Князь Святополк встал и подошёл к столу, на котором находился их скудный обед. Тюремщики не собирались его баловать, и он, посмотрев на кашу, которой даже пёс не всякий порадовался бы, со всей силой стукнул кулаком по столу.

– Владя, встань и иди поешь! Мне тоже нелегко, но это не значит, что мы здесь сдохнем!

– Мой духовник уже принял смерть. Епископ Рейнберн умер и теперь его молитвы на небе помогут нам умереть так же достойно!

Святополк подошёл к супруге и обнял её. Владя прижалась к нему и спросила:

– Скажи, а на улице сейчас, наверное, уже весна? Или, может, уже лето? А может, осень? Сколько мы тут сидим в заточении?

– Можно радоваться, что мы хоть вместе, а не по отдельности. Не знаю, что сейчас на улице. Мне кажется, что уже весна подходит к концу и скоро наступит лето. А когда мы отсюда выберемся, то...

– Мы никогда отсюда не выберемся, так как князь Владимир будет жить ещё лет двадцать! Ты сам себя послушай! Не утешай меня. Смотри – мы сидим в полутьме и только свет факела не даёт нам ослепнуть. Наш ребёнок умер, и мы обречены были похоронить его в углу места, где

мы заточены. Мы и сами скоро умрём, и всё это из-за чего? Думаешь, из-за разницы в обрядах? Нет, это из-за того, что ты пытался отложиться от князя Владимира и уйти под руку моего отца. Ты хотел сделать это честно и приехал в Киев, а за честность был брошен в темницу. Где твоя дружина, Святополк? Где твои люди? Мы здесь и умрём. Сначала умру я, и ты похоронишь меня в углу, как нашего ребёнка, а потом умрёшь сам. На небе мы окажемся вместе.

Княгиня резко подняла голову и всмотрелась в полутьму.

– Тюремщики, заклинаю вас, лишите нас жизни, я не могу находиться здесь! Здесь, рядом с могилой моего ребёнка, я не могу!

– Владя, ты должна поесть. Знаешь, мой брат Позвизд убедит отца простить меня и выпустить, вот увидишь. Просто не всё делается так быстро. Мы должны быть стойкими!

Княгиня рассмеялась, и князь Святополк невольно подумал, что рассудок его супруги может утратиться. Дочка Болеслава Храброго за последние недели становилась всё более странной. Она часто рыдала, смеялась, пыталась наложить на себя руки, а потом часами сидела и смотрела в одну точку. Иногда пела.

* * *

Звук шагов раздался по подземелью, в котором были заключены Святополк и Владислава.

– Чего-то сегодня рано идёт, – произнёс князь Святополк, поглаживая супругу по голове. – Спросим у него, какая сегодня погода?

– Даже не старайся, всё равно не ответит. Им нравится видеть наши страдания.

Святополк задумался, а знает ли его отец Владимир, что здесь в заточении умер его внук? Может, эти нелюди и не сообщили ему о том, что Владислава разрешилась от бремени, и о том, что младенца похоронили прямо в темнице? Знает ли он об этом или нет?

Кто-то новенький, подумал князь Святополк, увидев незнакомого ему человека с факелом в руках. Лица незнакомца он не видел, но за время, проведённое здесь, стал отличать людей по шагам и по силуэтам. За знакомцем шли человек восемь, и на них были кольчуги, блистающие в свете факелов.

Значит, всё-таки настали мои последние минуты, подумал князь и подошёл к княгине.

– В ладя, всё, увидимся на небе.

Владислава встала со своего места и рассмеялась, глядя в глаза Святополку.

– А нет никакого неба! Нет! Тьма! Тьма здесь и тьма там – вот что нас ждёт!

Незнакомец остановился возле их решётки и не спеша принялся отпирать замок.

– Княже, – слегка склонив голову, проговорил неизвестный, – князь Владимир Святославович, твой отец, перед смертью простил тебя и велел освободить!

Святополк замер. Вот так просто взять и оказаться на свободе. Просто выйти на свет! Словно заново родиться.

– А какая на улице сейчас погода? – спросил князь Святополк.

– Жара, не то что здесь. Здесь вы, смотрю, даже шубы не сняли, а там так жарко, что и в рубахе потеешь!

Святополк закрыл глаза и несколько секунд простоял так. На улице жара! Значит, почти год прошёл. Тогда была осень, а теперь лето.

Князь подошёл к Владиславе, но та отскочила от него в угол темницы.

– Это всё ложь! Они врут! Нас не выпустят, а отведут и убьют. Убивайте здесь, мы все вместе будем лежать здесь в темноте!

– Княгиня, пойдём! Даже если нам и судьба умереть, то давай хоть увидим свет!

– Свет! Свет! Нет никакого света, только тьма. Святополк, Пётр, – княгиня назвала Святополка его крестильным именем и обняла, – они убьют тебя, а меня оставят ходить над твоим телом! Нет. Пусть делают своё злое дело здесь в темнице. Я хочу умереть первой!

Незнакомец смотрел на это всё молча, а затем протянул князю меч.

– Княже, возьми и опоясайся. Негоже тебе без меча на люди выходить.

Святополк взял в руки меч. Нет, это не его меч, это меч князя Владимира, а до этого это был меч князя Ярополка. Сказывают, его когда-то держал в руках и его дед Святослав Неистовый. Что это может значить?

– Послушай, князь, – небрежно проговорил незнакомец, – меня зовут Путша. Я начинаю подумывать, что я несколько ошибся. Я слышал, что здесь в заточении находится сын князя Ярополка, которому я служил много лет назад, но я вижу перед собой заросшего бородой и грязного человека, а с ним его обезумевшую жену. Может, ты не князь?

Святополк ничего не ответил. Он подошёл к супруге и взял её за руку.

– Пойдём примем свою судьбу, Владислава, какой бы она не была!

Князь и княгиня неуверенно перешагнули через порог своей темницы.

– Послушай, князь, – сказал Путша, – я сам когда-то много дней провёл в заточении и поэтому дам тебе совет. Сейчас, когда мы выйдем на улицу, глаза не открывайте, иначе ослепнете. Надень на глаза повязку, и только когда окажемся в помещении, снимешь её. И княгине скажи, чтобы сделала то же самое.

Князь Святополк взял из рук Путши повязки и завязал глаза Владиславе, а после себе.

– Иди аккуратно, там вон ступеньки.

О том, что они вышли на улицу, Святополк понял по тому, как изменился воздух. Он никогда не был таким чистым и таким чудесным. Здесь и вправду было жарко, сильно жарко, не то, что в темнице, и слышались голоса. Голоса людей. Слегка приоткрыв глаза даже сквозь повязку, он ощутил жжение и тут же зажмурился. Нельзя открывать. Нельзя, иначе ослепнешь.

* * *

Князь Святополк снял повязку и открыл глаза. Он находился в просторной комнате, а на него смотрел пожилой человек лет шестидесяти. Впрочем, даже в помещении свет был настолько ярким, что Святополк тут же прикрыл веки и некоторое время просидел с закрытыми глазами.

– Глазки болят, княже? Так всегда, ничего, к вечеру уже привыкнешь! Чтобы нам обо всём поговорить, тебе зрение не нужно. Твой отец умер вчера, и, надо сказать, ничего он про то, чтобы тебя освободили, не говорил. Не знаю, помнил ли он вообще о тебе или нет.

Святополк открыл глаза и на этот раз смог какое-то время смотреть на Путшу, который сидел напротив князя и потягивал квасок.

– Зачем тогда меня освободили?

– Знаешь, князь, теперь ведь всё иначе. Ты неглуп и должен понимать, что начинается настоящая борьба и ты в ней не последний человек. Сейчас ты сидишь в палатах князя Киевского. Если ты будешь достаточно дерзок, то останешься князем. Ты на полшага впереди своих братьев, так как никто больше не знает о том, что Владимир Святославович почил. Если ты будешь решительным, то сможешь стать настоящим правителем Руси.

– Прольётся кровь!

– Много крови, князь, но любое правление так начинается, и не важно, кто должен где править. Сильный князь – сильный народ.

– Путша, а чего хочешь ты? Зачем ты пришёл мне на помощь? Я не верю, что это только потому, что раньше ты служил моему отцу Ярополку. Многие ему служили, и я сам даже не знаю, отец ли мне Ярополк. Чего ты хочешь?

– Мести! Владимир занял Киев, крестил Русь, правил достойно, но не все стояли на его стороне. Были и те, кто называл его братоубийцей, были, и они держали в руках оружие. Ты был только зачат, а я уже знал, что ты появишься на свет, так как был рядом с твоим отцом в те дни. Он сообщил мне, что его супруга понесла. Потом Владимир победил. Он взял твою мать в жены, но она уже была беременна.

– Ты хочешь мстить за моего отца? За веру отцов?

– За свою семью. Мой брат был убит, мой отец был убит, многие были убиты. Перун в те дни превратился в страшного бога, которому приносили страшные жертвы – тех, кто служил раньше другому князю. Мой первенец был принесён в жертву. Я тогда был моложе и верил, что волхвам выбор богов сообщают сами боги, а потом я понял, что они его узнавали не от богов, а от людей княжеских. У меня нет детей, у меня нет жён, я стал христианином и смотрел, как князь, поставивший идола, которого кормили человеческой кровью, назвал его деревяшкой. Смотрел, как этого идола бросили в воду. Но никто больше не вернёт тех, кто был принесён ему в жертву! Никто. Я стал другим. Взял другое имя, крестился. Но я жажду мести.

– И ты её получишь. Я тоже горю этим желанием. Мой сын похоронен в темнице, где я провёл целый год.

– Докажи, что ты способен. Князь, завтра о том, что Владимир Святославович умер, будут знать на всех углах. Стань князем сегодня, или завтра им станет кто-то другой. Ярослав Новгородский, Борис Ростовский, или Святослав Древлянский! Я с сотней воинов князя Позвизда, твоего младшего брата, занял княжеские палаты. В Киеве сейчас нет дружины великого князя. Она с Борисом по повелению Владимира ушла в поход на печенегов, но завтра они повернутся и выбьют тебя, если ты не станешь действовать. Тебя не лишат жизни, а вернут в то же самое место, откуда я тебя привёл, чтобы ты там сошёл с ума или сдох от сырости!

Князь Святополк встал и сделал несколько шагов. Всё было таким чудесным, таким светлым. Глаза потихоньку привыкали к свету. Князь Святополк понял, что хочет пить. Желание пить быстро стало сильным. Странно. Они с супругой по много дней часто пили всего по несколько глотков, так как тюремщики не всегда заботились о том, чтобы дать им напиться вволю.

Князь Святополк решил не показывать своего желания. Сейчас надо быть сильным и я им стану, проговорил он сам себе.

– Почему ты говоришь, что я знаю, а остальные братья не знают?

– Потому что у меня был свой человек при князе Владимире, который и сообщил мне эту весть. Владимира Святославовича уже привезли в Киев, но пока никто не знает, где он. Его тело привёз епископ Анастас.

– Анастас! Греческий чернец, подлейший из врагов!

Это по его научению отец... Владимир бросил меня в подземелье!

Путша улыбнулся, услышав, как запнулся Святополк, назвав Владимира своим отцом.

– Нет, Анастас сейчас тебе не враг, и не советую его в них записывать. Владимир Святославович заточил тебя не потому, что ты хотел верить по христианскому, но латинскому обряду, а потому, что ты хотел отделиться от него. Твой двоюродный брат и его сын Ярослав сделал то же, но не стал приезжать в Киев. Он просто перестал платить положенные ему две тысячи гривен. Его дружина мало чем уступает киевской, и хоть Владимир и начал с ним войну, но едва ли смог бы его победить. Святополк, вокруг тебя враги, не наживай новых. Ты сын Ярополка и по древнему праву идёшь выше всех остальных детей Владимира. Но своё право надо отстаивать кровью.

– Я отстою.

* * *

Святополк вместе с Путшей вошёл в комнату, где князя Владимира готовили к похоронам. Святополк ещё раз посмотрел в лицо умершего князя, которого считал отцом, хотя никогда не был им любим. Отец ли он мне, подумал князь Святополк. Он не спеша взял руку почившего князя и снял с неё большой перстень.

Епископ Анастас молился рядом и словно не видел, что князь Святополк находится здесь же. Грек не пытался ни убежать от того, кого по его научению бросили в подземелье, ни заслужить его признательность.

Святополк посмотрел на грека и представил, как неплохо смотрелся бы этот человек в петле на каком-нибудь дереве, но сдержал себя. Подними руку на епископа – и ты станешь врагом всем христианским государям, а сейчас он не в силах противостоять им.

Святополк вышел из комнаты и направился на крыльцо. Возле княжеских палат было многолюдно. Свет заставил его немного зажмуриться, но он, постояв некоторое время в тени, дал глазам привыкнуть.

– Киевляне! – закричал Путша. – Умер князь Владимир Святославович, но жив род великого Рюрика! Да будет нашим князем сын славного князя Ярополка, старшего брата Владимира. Князь Святополк, иди и правь нами!

Люди, услышав голос Путши, посмотрели криво, а многие и вовсе с усмешкой. Святополк с крыльца наблюдал за ними. Выслушав Путшу, они продолжали безмолвствовать. Недоброе это молчание, подумал Святополк. Он медленно поднял руку, взял горсть серебряных монет, которые поднесли ему, и медленно поднял её над собой.

– Это серебро мне оставил в наследство не то мой дядя, не то мой отец. Но я не желаю быть сребролюбивым государем и считаю, что богатства делают нас слабыми. Поэтому я решил раздать казну вам, мои соотечественники! Вам!

Сказав это, Святополк не бросил серебро в толпу, а спустился к народу и подошёл к какому-то старику.

– Ты видел моего деда Святослава Неистового?

Дед покачал головой, смахнул скупую слезу и поклонился Святополку.

– Я и сейчас его вижу – вот он передо мной. Настоящий сын Руси!

– Возьми серебро, и ты возьми серебро, и ты возьми, – говорил Святополк, щедро раздавая богатства, – киевляне, пойдёте к сокровищнице и я всё вам отдам! Берите, и не надо мне злата. Всё, что я добуду, всё будет вашим!

Народ заволновался. Люди стали толкаться, пытаясь занять места как можно ближе к князю Святополку. Князь пошёл к сундукам, которые по его приказу вынесли на улицу. Здесь, в этих сундуках, хранились поистине несметные богатства. Их стяжали и Святослав, и Ярополк, и Владимир. Сундуки были полны золота и серебра.

Святополк щедро принялся раздавать казну. Князь понимал, что если раздать её, то он может хоть на короткое время получить народную любовь и, что куда важнее, его недруги не смогут её отобрать. Пусть если его и свергнут и вернут обратно в подземелье, то хотя бы о нём сохранится добрая память.

– Бери золото, бери серебро, кровью предков наших у ромеев отобранное, – говорил князь Святополк, и люди начинали плакать от умиления, получая из рук князя целое состояние. Князь давал специально помногу, чтобы богатства достались неравномерно. Когда кончился последний сундук, то он спокойно сказал:

– Киевляне, кому не хватило золота, будьте со мной, возьмите мечи свои и служите мне! Всё, что я добуду, я раздам вам, так как золото, лежащее в сундуках, делает нас корыстными, а золото, которое мы тратим, делает нас отчаянными! Идите и служите мне!

– Веди нас, князь! Веди на победы и на ворогов – тебе сердца наши принадлежат! Тебе наши жизни доверим! – кричали простые люди. Видя золотые монеты, которые им так и не удалось взять в руки, они уже не могли их забыть.

– Ты настоящий внук Святослава! Ты хоть и не по крови, но по духу Владимир! Щедрый и удатый князь! Веди нас!

Святополк опять поднялся на крыльцо. Теперь народ ликовал и радовался, видя его.

– Святополк Щедрый! Князь, да славься ты навеки!

Святополк вошёл внутрь и увидел свою супругу Владиславу. Подойдя к мужу, она поцеловала его. Князь Святополк увидел князя Позвизда и заключил его в объятия.

– Позвизд, брат мой, я никогда не забуду твоей услуги. Быть тебе правителем моего удела, так как дела твои достойны.

Позвизд обрадовался столь щедрому жесту, так как, являясь одним из младших сыновей Владимира, он не мог рассчитывать на какой-либо знатный удел. Мать князя была одной из тысячи наложниц князя Владимира, и Позвизд не имел особых прав на наследие своего отца, но поскольку этот витязь своими отчаянными и храбрыми делами смог собрать вокруг себя ратных людей, то стал князем.

Есть дружина – есть князь. Эти кажущиеся устаревшими законы на самом деле были куда сильнее законов крови. Не у дел делал правителя князем, а люди, готовые умереть за него. Святополк понимал, что сейчас у него таких людей нет.

Десять лет назад князь Позвизд и князь Святополк имели возможность подружиться. Тогда Святополк помог своему девятнадцатилетнему родичу снарядить его людей, и теперь Позвизд, сын князя Владимира от рабыни, стал одним из самых отчаянных витязей Руси, а за ним стояла пусть и немногочисленная, но бесстрашная дружина. Святополк понимал, что именно Позвизду он обязан своим освобождением.

Князь Владимир признал своего сына от наложницы после того, как тот прославил своё имя, сражаясь по всему миру и стяжая славу, и даже передал ему несколько посёлков в Туровских землях. Когда Святополка бросили в темницу, то только Позвизд, единственный из сыновей князя, просил за брата, призывая простить его. Позвизд не мог поднять руки на отца, но смог подать руку брату, когда тот в ней нуждался.

– Позвизд, пока ты со мной, – проговорил князь Святополк, – моё сердце спокойно!

Глава 3

На берегу реки Альта расположилась многочисленная киевская дружина. Воины князя Владимира, посланные вместе с его сыном князем Ростовским Борисом найти и разбить печенегов, совершивших дерзкий набег, нигде их найти не могли. Видимо, степняки, уstraшившись киевского воинства, решили поскорее уйти в глубь степей.

Князь Борис приказал воинству разбить лагерь, а сам бездействовал, выжидая, вернутся ли печенеги.

Когда к лагерю приблизились несколько десятков всадников из тех что неразлучно следовали с князем Владимиром, Борис вышел их встречать.

– Приветствую людей своего отца, – приветливо произнёс князь, отдавая дань уважения возрасту бояр, ближников своего отца. Эти люди, прошедшие весь путь его отца от самого Новгорода и далёкой Скандинавии до берегов Понтийского моря и Херсонеса, не могли не вызывать у него почтения.

Талец и Елович неспешно слезли с коней и поклонились князю Борису. Князю было почти тридцать лет, и хоть бояре и хорошо его знали, а также знали, что его любит киевский люд, но сейчас они смотрели на него недоверчиво. Правильный ли они сделали выбор? Борис был, бесспорно, внешне очень похож на своего отца, но вдруг он сохранил его внутренние качества? Сможет ли он прийти к власти и побить своих братьев, оставаясь при этом послушным орудием в их руках?

– Грустную весть принесли мы, княже, – печальным голосом проговорил боярин Талец, – умер славный родитель твой князь Владимир!

Князь Борис опустил глаза, а после, недолго помолчав, повернулся и пошёл в шатёр, где горько заплакал. Для большинства людей князь Владимир был государем, человеком, принёсшим новую веру, а для Бориса он был любимым отцом. Борис был очень верующим человеком. Он тотчас склонился перед иконами, которые находились в его шатре, и стал молиться.

Боярин Талец и Елович, находясь снаружи шатра под палящим солнцем, не знали, что им делать. Конечно, они понимали, что князь Борис достаточно мягкий человек. Если им удастся посадить его на княжение в Киеве, то вся власть окажется в их руках.

– Пусть поплачет, – сказал боярин Елович, – оно так, может, и правильно: сын оплакивает любимого отца!

– Не время сейчас слезам предаваться! Думаешь, в Киеве уже знают о том, что князь Владимир умер?

– А даже если и знают, то что это сильно меняет? Сейчас в городе только князь Позвизд со своей дружиной, а в ней всего сотня витязей!

– Зато каких! – воскликнул боярин Талец.

– Да, воины у князя Позвизда отчаянные. И сам князь отчаянный. Если бы у него было то же властолюбие, что и у его отца, то быть бы ему князем Руси. За таким князем воины легко пойдут на любые свершения.

– Но Позвизд не дерзнёт забрать Киев. Не того он поля ягодка. Князем Киевским станет Борис, хорошим князем, – после некоторого молчания боярин Талец добавил, – хорошим для нас князем!

В это время князь Борис встал от икон и, прекратив молитву, задумался. Смерть его отца меняла многое и в первую очередь могла вызвать кровопролитие. Дружина сейчас находилась с ним, но вот насколько он мог на неё положиться и самое главное, что ему теперь делать? Двинуться на Киев и занять его силой? Начнётся внутриродовая война, которая зальёт всю Русь кровью. Нет, я не буду спешить, решил князь Борис, а лучше подожду до утра. Братья, понимая, что в моих руках сила, сами склонятся передо мной. Тогда я сяду в Киеве, не пролив и

капли крови. Моё княжение будет временем мира и благоденствия. Я украшу страну церквями и продолжу дело отца. В самых отдалённых уголках Руси будут стоять церкви, и язычество, даже если оно где-то ещё сильно, уйдёт в темноту веков.

Князь Борис вышел к боярам и дружине, которая собралась у его шатра. Все внимательно смотрели на него, ожидая, что он скажет.

– Вернулись ли дозоры? – спросил князь Борис у одного из своих воевод.

Воевода Ляшко был могучим воином и прославленным полководцем. Князь Владимир очень ценил его.

– Княже, печенегов нет. Наши дозоры никого не нашли.

– Позовите Георгия, моего друга, мне надо с ним посоветоваться.

Воевода Ляшко и бояре посерели. Видимо, князь не совсем понимает, что сейчас надо действовать, а не предаваться унынию, подумал боярин Елович и решил сказать об этом Борису.

– Княже, сейчас время очень дорого!

– Подождём пока. Я хочу говорить с Георгием.

– Княже, – сказал воевода Ляшко, – не по чину ты так приблизил к себе этого Георгия и гривну золотую на его шею одел! Он хоть и друг твой, но по летам молод, и не пристало его так выделять.

Князь Борис посмотрел в глаза воеводе и с улыбкой, с той самой улыбкой, с которой всегда говорил князь Владимир, произнёс:

– Ляшко, ты мой меч, а он мой друг. Тебе награды за ратные труды, а ему за дружеские советы положены.

* * *

Князь Борис и его друг Георгий находились в шатре наедине. Ближник князя не спешил с советами.

– Георгий, мой отец умер. Теперь я не знаю, что делать. Если я пойду на Киев и займу его, то должен буду с оружием в руках доказывать своё право на княжение. Но разве тогда смогу ли я быть тем правителем, который нежно возделывает государство своё, словно садовник сад? Смогу ли я там, где до сих пор растёт бурьян язычества, насадить веру Христову, если приду к власти с оружием в руках?

Георгий, по племени грек и человек, весьма умудрённый книжными знаниями, был другом Бориса уже не первый год. Георгий был на несколько лет младше князя, но из-за того, что он брил бороду, все видели в нём отрока.

– Князь, – рассудительно ответил Георгий, – если ты возьмёшь Киев и сможешь отстоять его с оружием в руках, а затем заставить своих братьев увидеть в тебе второго отца, то тогда ты сможешь начать дело всей своей жизни и мы вместе превратим наше государство в прекрасное и дивное место, которое станет Северной Империей, Третьей Римской!

Борис покачал головой, давая понять, что его такой вариант не устраивает.

– Если я начну своё правление с применения силы, то уже никогда не смогу остановиться.

– Верна ли тебе, князь, дружина? Веришь ли ты им?

– В большинстве своём дружина моего отца, как ты знаешь, Георгий, состоит из христиан. Конечно, есть там и немало варягов, которые придерживаются старой веры, но они верны мне. Меня отец поставил над ними!

– А после того как твой отец умер, останутся ли они тебе верными?

– Думаю, что да. Дружина – это меч, который висит у меня на поясе, – продолжал князь Борис, – так ли всегда необходимо его обнажать? Так ли это нужно сегодня? Георгий, я думаю, что если братья мои увидят, что у меня есть оружие, то, убоявшись, они не начнут войны!

– Не начнут, если дружина останется с тобой, а чтобы остаться с дружиной, ты должен вернуться в Киев. Там сейчас Позвизд, он нам угрозы не представляет.

В этот момент в шатёр вошёл воин, который, судя по походке, много времени провёл в седле. Поскольку воин вошёл без предупреждения, то вести, которые он принёс, явно были очень важными.

– Князь, – произнёс воин, низко кланяясь Борису, – я скакал несколько часов без остановки и чуть не загнал коня. Меня прислала к тебе твоя сестра Пред слава, так как ты ей ближе всех других братьев и с тобой дружина её отца.

– Говори!

– Твой брат Святополк вышел из темницы с помощью твоего брата князя Позвизда и сел княжить в Киеве! Княжна Предслава передаёт тебе следующие слова: «Сей недостойный сын отца нашего, отвергнув кровь свою, назвал отцом своим дядю нашего Ярополка и, чтобы стяжать славу государя, любящего народ, раздал богатства предков наших черни, и те теперь склоняются пред ним».

– Иди отдохни, воин, мне надо подумать.

Когда ратник вышел, то князь Борис повернулся к Георгию.

– Что мне делать, мой друг? Как поступить?

– Князь, Святополк занял Киев, но с тобой дружина твоего отца. Иди и возьми город! Верни Святополка на то место, откуда его вывел Позвизд, а самого Позвизда отправь туда же. Пойми, Борис, Святополк отвернётся от истинного христианства и станет подчиняться латинскому папе, который сидит в Риме, – при этих словах на лице Георгия появилась гримаса ненависти, – за измену вере твой отец заточил его в подземелье. Борясь за спасение души Предславы, он отказал Болеславу, князю польскому, решив, что лучше пусть дочь навеки останется нетронутой, чем измажется в латинской желчи.

– Предслава уже угасает – ей больше тридцати лет. Может быть, мой отец и видел сильную разницу в обрядах, я считаю, что вера в Христа выше некоторых споров. Я не пойду против Святополка, но он, устранившись моего воинства, сам отдаст мне власть. Вот увидишь, Святополк уйдёт в свой Туров и отделится, став самовластным государем, или же пойдёт под руку своего тестя. Это его воля.

Георгий грустно посмотрел на князя Бориса. Борис категорически отказывался пойти против брата, а значить это могло только одно. Киев он занять не сможет.

* * *

Ближе к вечеру князь Борис вышел из шатра. Теперь вокруг него стояли воеводы, сотники и десятники. Все ожидали, что скажет князь. Стояли среди этих витязей и варяги, которые служили за золото. Весть о том, что Святополк захватил власть, уже пронеслась по лагерю. Люди негодовали, узнав, что сей князь раздал золото простым горожанам.

– Князь, веди нас на Киев! – кричали воины, которые жаждали взять этот богатейший город на щит и отобрать богатства.

Вперёд вышел боярин Елович. Дождавшись, когда голоса воинов смолкнут, он торжественно обратился к князю Борису:

– Князь! С тобою дружина и воины отца твоего! Поди в Киев и будь Государем всей Руси!

Воины поддержали боярина дружными криками, в которых слышалось желание битвы, предчувствие лёгкой победы и, главное, наживы. Дружины князей служили только князьям, а не городам. Им был безразличен простой народ, так как они понимали, что, быть может, завтра удача отвернётся от их предводителя и тогда они могут пойти к другому, который, быть может, поведёт их на тот город, где они раньше жили. Поэтому большинство дружинников старались не обзаводиться семьями.

Борис стоял и смотрел на воинов своего отца. На их шеях блестели кресты, а в глазах читалась доблесть язычников. Они желали предать город своего покойного князя огню и вынести оттуда всё до последнего серебряного. Борис был против такого, так как Киев был им любим и киевляне любили его. Борис видел своё государство совсем иным. Таким, как рассказывал его друг Георгий, таким, каким была Византия. Воины должны служить своим городам, где живут их семьи, защищать церкви, в которых они молятся, а не искать золото в чужих землях. Золото само придёт, если начать торговать, начать возделывать землю и выращивать скот, если мужи не будут гибнуть в битвах в далёких странах, а заниматься мирными делами и ремёслами.

– Воины, – громко сказал князь Борис, – могу ли я поднять руку на старшего брата? Он будет мне вторым отцом!

После этих слов князя воцарилась тишина. Никто не произнёс ни слова. Борис повернулся и пошёл в свой шатёр. Георгий последовал за ним.

Оказавшись в шатре, князь Борис посмотрел на Георгия, словно ожидая поддержки. Грек сел рядом с Борисом на походную постель.

– Князь, воины в твоих словах слышали только слабость, но ангелы Господни слышали невиданную силу. Но что ты будешь делать, если дружина уйдёт от тебя?

– Не уйдёт. На всех них надет крест, но сейчас дьявол застлал их разум и превратил их в диких зверей, которые только и мыслят, что о крови и о наживе. Я люблю Киев и не могу предать его огню. Этот город с любовью возвышал мой отец, а я должен его предать разграблению? Нет.

В шатёр вошёл воевода Ляшко и, поклонившись князю Борису, сел рядом.

– Князь, – проговорил воевода, – воины сейчас не совсем понимают твои слова. Пока что всё можно исправить. Выйди к ним и поведи их на Киев. Да, Киев будет разграблен и кто-то погибнет, но так было всегда. Умрут сотни людей, но на этом бойня закончится. Никто, кроме, пожалуй, Ярослава Хромого, не сможет тебе противостоять, и все склонятся перед тобой. С Ярославом ты сможешь договориться, если не хочешь войны. Пролей кровь сотен ради спасения тысяч.

– Знаешь, Ляшко, – ответил князь Борис, – каждая капля крови на небе оплакивается. Знаешь, о чём больше всего переживал отец? О том, что убил своего брата Ярополка.

– Святополк назвал себя сыном Ярополка, а не твоего отца. Он тебе не брат. Убей его и уничтожь змеёныша, которого не успел задавить твой отец. Недаром он его заточил в темнице.

– Нет, – твёрдо сказал Борис, – если я начну проливать кровь, то уже не смогу остановиться, а я мыслю построить такое государство, где все будут жить в мире и спокойствии.

Боевода Ляшко грустно улыбнулся.

– Князь, думаю, такого государства в мире не существует. Прости, но если ты не изменишь своего решения, то ты обречён.

* * *

В это время тишина в стане сменилась ропотом. Воины разошлись по своим кострам, но со всех концов слышались неодобрительные голоса. Бояре Талец и Елович стояли чуть в стороне от княжеского шатра. Старые ближники князя Владимира были разочарованы.

– А знаешь, мы с тобой сейчас просчитались! Не с тем мы князем, боярин Елович, жизнь свою связали. Конечно же, Борисом нам управлять легче, но чую я, что надо нам поскорей к Святополку идти.

– А что мы ему принесём в дар? С пустыми руками, что ли, прийти?

Боярин Елович указал на воинов, которые роптали возле костров.

– Вот их мы и приведем к князю Святополку. С ними нас любой князь примет!

– Может, так даже лучше, боярин, – отозвался Талец, – сейчас медлить нельзя.

Талец подошёл к костру, у которого собрались около тридцати воинов. Днём стояла жара, а вот ночью привыкшим к теплу людям было холодно.

Воины расступились, давая боярам пройти к огню. Люди их хорошо знали. Ближники покойного князя были уважаемы в дружине.

– Воины, – громко произнёс боярин Талец, – посмотрите на вон тот шатёр. Там в нём плачет сын князя Владимира. Я думаю, что его отец на небе плюёт на него, так как истинный его наследник, не дрогнув, пошёл бы в бой, но кажется мне, что князь Борис лишь внешне похож на него, а по духу не его сын. Истинный сын Владимира – князь Святополк! Он не жаден, он храбр, он силён. С таким князем мы быстро стяжем славу. Может, он и называет себя сыном Ярополка, но я скажу вам точно только одно – он внук Святослава Неистового и рядом с ним мы вновь будем стоять под стенами Царьграда!

Воинам понравилась речь боярина. Послушать ближника князя Владимира подходили всё новые и новые люди.

Боярин Елович, понимая, что если и дальше молчать, то потом Талец скажет, что именно он привёл дружину в Киев, тоже обратился к дружинникам.

– Борис слаб духом. Ему бы удалиться от мира в монастыре, а не править нами. Мы народ воинов и не хотим служить монаху. Святополк – вот истинный государь! Какая разница, по какому обряду молиться Богу? – продолжал Елович. – Хитрые греки обманули нашего князя Владимира и крестили его по своему обряду, боясь, что мы сокрушим их царство. Святополк сможет это сделать! Мы больше не будем связаны по рукам и ногам одной верой.

– Ты, кажется, забыл, боярин, – перебил Еловича воевода Ляшко, который, услышав голоса и увидев, что воины собрались и слушают старых ближников Владимира, подошёл к ним, – что у князя Владимира не два сына. Почему ты хочешь вести людей в Киев служить Святополку, когда можно взять его на щит под рукой у Ярослава Хромого?

На самом деле всё было достаточно просто. У бояр в Киеве были срублены терема и нажито немало богатств. Им было не с руки, чтобы город был разграблен кем бы то ни было. Пусть лучше огню будет предан весь мир, но Киев останется нетронутым.

– А потому, что Ярослав Хромой жаден! Он даже отцу отказался платить – думаете, он вас уважит? Да как бы не так, – закричал Талец, – у него своя новгородская дружина, а у Святополка только вы. С ним мы всю Русь подчиним. Увидите, мы будем поить своих коней в Царстве Греческом. Ярослав же верит, что Христа можно почитать только как велят греки, и, значит, он не дерзнёт пойти на Царьград! Не дерзнёт!

Князь Борис вышел из своего шатра и увидел, как по всему лагерю раздаются крики. Видимо, он переоценил верность людей своего отца. Рядом с ним находился Георгий, который тоже смотрел на всё это с испугом.

– Князь, возьмём самых быстрых коней и покинем стан! Поскачем в Ростов, твой удел! Святополк, увидев твою покорность, не тронет тебя.

– Нет. Воины кричат, но они все христиане и клялись в верности моему отцу, а отец передал их мне. Завтра все утихнут. Идём спать, Георгий. Завтра утром всё станет, как было прежде.

Глава 4

Во времён Рюрика князья жили не в самом Новгороде, а в Городище. Князь Ярослав Владимирович построил свой двор на Торговой стороне славного города. Ярославу было столько же лет, сколько и Святополку, то есть тридцать шесть. Когда он узнал, что его отец решил сделать своим наследником князя Бориса Ростовского, то вознегодовал и перестал платить положенный Новгороду урок в две тысячи гривен.

По сути, это означало войну с отцом, но хромой князь не сильно этого боялся, так как пригласил в Новгород варягов, которые, безусловно, всегда были рады посражаться за золото и серебро.

Четыре тысячи варягов, прибывших в Новгород, сильно меняли положение дел и делали силы Ярослава практически равными силам киевской дружины. Правда, другие сыновья Владимира могли поддержать отца и тогда чаша весов наклонилась бы в сторону Киева, но князь Ярослав надеялся как раз на обратное. Не он один был возмущён тем, что отец хочет передать после своей смерти власть Ростовскому князю Борису, отдав ему командование над дружиной.

Князь Ярослав и ярл Кнуд, который привёл варягов, стояли на крыльце княжеских палат.
– Хороша ты себе дворь возвёл, – сказал ярл Кнуд, – богаты живёшь, князь!

Ярослав скрыл улыбку, слушая речь ярла. Впрочем, на душе у князя Ярослава было беспокойно, так как он как никто другой знал, что варяги люди хищные и если чего захотят забрать, то будут лить за это кровь.

– Здесь нищетой тебе всё покажется, коли увидишь Киев, ярл. Многие годы две трети богатств Новгород отсылает в Киев – там богатство, а здесь остаток.

Варяг ухмыльнулся. Он уже не первый раз приходил служить правителям, и все они говорили одно и то же: что сами они бедные, а вот их враги из золотых блюд едят и серебром стены своих дворцов украшают. Варяг прикинул, а сможет ли он со своими людьми занять Новгород. Кто знает, может, и сможет, но кровью умоется. Славяне – это тебе не франки или саксы, они за своё биться будут насмерть.

– Княж, сколь многа воина у отец твой? – спросил ярл Кнуд. – Когда пойдём в бои, мой человек не хочэт сыдет уберияв рука.

Князь Ярослав понял речь варяга, но ему надоело слышать коверканые славянские слова, поэтому он заговорил на варяжском языке, чем сильно удивил ярла.

– Если моего отца не поддержат другие мои братья, то силы наши равны. Но братья могут поддержать и меня. Мой отец хочет передать власть в обход старших сыновей своему любимому младшему сыну.

Ярл кивнул, давая понять, что дальше ему неинтересно, а после подошёл к девушке, которая стояла рядом с теремом, поставив перед собой ведро и коромысло, и, по всей видимости, отдыхала.

Князь Ярослав недоумённо смотрел на ярла, когда тот со смехом быстрым движением схватил девушку за горло, а другой рукой сорвал с неё серебряное украшение.

Девушка вскрикнула, а варяг, отпустив её горло, засмеялся. Ярослав сделал несколько шагов, но боль в ноге остановила его. Князь не мог быстро ходить из-за хромоты. В детстве он, желая быть не хуже старших братьев, украл отцовского коня и в тот же день обогнал всех, когда они катались.

Каждый раз, когда Ярослав стискивал зубы от боли, он вспоминал этот день. Славный день, когда он был впереди всех своих старших братьев – Вышеслава и Изяслава. Святополка он старшим не считал. А после отцовский конь сбросил мальчика и тот сломал ногу. Волхвы говорили, что он умрёт, другие предлагали отсечь конечность, но один грек привязал к ней две палки и заделал всю ногу в глину.

Нога никогда не стала такой, как прежде, но Ярослав мог ходить. Тот день был единственным днём, когда он обгонял на коне своих братьев. Больше такого дня не было, так как Ярослав теперь ездил лишь на спокойных кобылах. На других он усидеть не мог.

– Красывая оберега, – проговорил ярл, и, смеясь, оттолкнул девушку.

Люди, проходящие мимо, недобро посмотрели на ярла. Некоторые даже положили руки на рукояти кинжалов или проверили топоры, но варяг, не испугавшись их, скорчил рожу и продолжил смеяться.

Тварь, животное, подумал Ярослав, глядя на Кнуда. Это просто животное, которому неведомы ни страх, ни совесть, но в его мече и мечах его соотечественников я сильно нуждаюсь. Варяг быстро вбежал по ступеням и встал рядом с князем Ярославом.

– Зачем ты сорвал побрякушку с этой девушки? – спросил Ярослав у ярла на варяжском языке, чтобы никто не понял, о чём он говорит с ярлом.

– Мне захотелось показать ей, что я силён. Девы любят силу. Силу любят все, – ответил ярл, поигрывая серебряным украшением. – Не бойся, князь, я не трону твою жену! Я не буду трогать жену того, кто не сможет за неё постоять.

Князь Ярослав стиснул зубы. Животное смеётся над ним и над его хромотой. Нет, как боец я, конечно, тебе не соперник, подумал Ярослав. Хорошо, что варяг произнёс эти слова на своём языке, а то совсем стыдно было бы.

* * *

Кнуд Эрикссон приплыл с варягами на службу к конунгу Ярсфельду, так варяги называли Ярослава, почти месяц назад всего с тремя кораблями. Варяги разместились возле своих кораблей и быстро заскучали. Новгородцы казались им такими дикими и такими глупыми, но тронуть их они вначале боялись, так как знали, что славяне в случае чего быстро возьмутся за оружие.

По мере того как число варягов росло, так как всё новые и новые драконы приплывали к Новгороду, росла и храбрость варягов.

На улице стояла жаркая погода. Вынужденные целыми днями бездельничать варяги стали искать себе забавы.

– Ярл, – к Кнуду Эрикссону подошёл один из варягов, крепко держа за руку девушку, – ты здесь скучаешь. Посмотри, кого мы тебе привели. Потешь плоть.

Кнуд с ухмылкой посмотрел на воина и на пытающуюся освободиться девушку, совсем юную.

Кнуд подошёл к ней и, взяв своей могучей рукой её за подбородок, расхохотался, а затем резким движением развернул её спиной к себе. Варяги встретили такие действия своего ярла дружным радостным криком и смехом.

Конечно же, воинам было безразлично, потешит ли плоть ярл или нет, но вот то, что он такой подарок принял, как бы означало, что можно и им повеселиться.

– А я тоже хочу себе плоть потешить!

Ярл Кнуд увидел, как группы по десять воинов стали уходить в город, и заулыбался. Может, и впрямь стоит вместо того чтобы идти в далёкий Киев, разграбить этот богатый город и стяжать себе отменную славу? Новгород – город богатый и большой, а правит им хромым князь. Интересно, а он сам в походы как ходит? Или дружину за него ведёт кто-то другой? Такие не должны править.

Кнуд посмотрел на девушку, которую только что взял силой, и вновь расхохотался. На девушке был крестик, и теперь она прижимала его к губам и что-то бормотала.

Ярл вырвал крестик у неё из рук, а после бросил его под ноги. Многие из варягов приняли крещение, но он оставался старой веры и ненавидел всех этих почитателей Распятого Бога.

– Чего ты смотришь? Он не поможет тебе, потому что он и сам был распят! Он даже себе помочь не мог!

Девушка не понимала его слова и поползла за крестом. Варяг, впрочем, говорил эти слова не для неё, а для своих соплеменников, которые помимо всех прочих оберегов надели и кресты. Были и те, кто не просто нацепил их, но и сорвал с себя обереги отцов.

Девушка, взяв в руки крест, стала опять что-то бормотать, и это вывело ярла из себя.

– Замолкни! Замолкни, он всё равно тебя не слышит! Замолкни! – прокричал ярл, нанося ей удары ногой по животу.

Девушка прижала ноги к груди, но крест не выпустила. Это привело ярла в неопишное бешенство, и он стал безостановочно наносить ей удары до тех пор, пока та не перестала двигаться, а после диким взглядом посмотрел на варягов, которые молча за ним наблюдали. Язычники пошли насиловать, а оставшиеся возле кораблей были, как правило, или христианами, или, во всяком случае, признавали Христа как одного из богов.

– Чего вы уставились, – спросил ярл, плюнув на девушку, – где её Бог? Где он? Разве ударил он меня молнией? Вы все обманутые, так как нет никакого Христа!

Ярл с трудом взял себя в руки. Тут ему стало несколько не по себе. Он не мог контролировать себя, когда впадал в бешенство, но когда этот приступ проходил, то ему становилось очень не по себе.

Ну вот, ещё одна мученица! Эти христиане похоронят её с почётом и будут петь над ней, словно она валькирия. Как всё изменилось в мире!

– Кнуд, – проговорил один из варягов, на котором помимо молота Тора висел ещё и крест, – богам нет нужды себя защищать. Мы, люди, должны это сделать. Когда христиане громят наши капища, они говорят так же, как и ты!

– Замолкни, – грубо прервал его ярл, – ты, видимо, считаешь, что можно служить и богам наших отцов, и Христу? Боги наших отцов могут принять богов других народов, а Христос нет. Там, где появляются христиане, старые боги уходят.

– Кнуд, ты сейчас убил просто девку. Она надела крест потому, что его надел её отец. Надень он молот Тора, и на ней были бы обереги наших богов.

Кнуд осмотрел на воина. Он его не знал, и только собрав все остатки благоразумия, он не выхватил меч и не набросился на него. Христиане, они повсюду! Они везде, и теперь эта болезнь, разложив славян, разъедает и наш народ. Вернее, остатки тех, кто чтит старину. Нет, после того как конунг Олаф крестил весь народ, осталось совсем немного тех, кто чтит старых богов. Капища разрушаются, волхвы умерщвляются, так почему я должен молчать?

* * *

Новгородцы собрались перед двором князя. Они шумно возмущались бесчинствами, которые стали творить варяги. Князь Ярослав к народу выходить не решался, так как понимал их праведный гнев, а сказать им ничего такого, что их успокоило бы, он не мог.

Супруга князя Ярослава Анна и вместе с младенцем Рюриком, которого в крещении нарекли Ильёй, стояла рядом с мужем.

– Ты не выйдешь к ним?

– Нет, мне нечего им сказать, Анна. Я не могу отослать варягов, так как нуждаюсь в их мечах. Мой отец придёт сюда со своей дружиной, и тогда мы ещё не раз будем благодарить этих людей.

– Твой отец князь Владимир, думаю, и сам захочет с тобой замириться, если ты согласишься.

– А я не могу согласиться, так как это означает признать Бориса не просто старшим, но и более законным. Мой отец отослал от себя мою мать Рогнеду в Полоцк вместе с Изясла-

вом, но если Изяслав поднимал на него руку, то я-то не поднимал. Я всегда его чтил и чтил своих старших братьев, но когда я стал старшим, то он отвернулся от меня. Он хочет видеть своим наследником Бориса. А что такого сделал Борис? Просто отец видит во мне калеку! Но я докажу ему и всем, что помимо силы всегда можно положиться и на ум.

– А ты считаешь умным вот так вот стоять в стороне, когда твои подданные взывают к тебе?

– Нужны законы. Нужны настоящие законы, которые будут одними по всей Руси, а без этих законов не будет правосудия. Что мне им сказать?

В это время князь Ярослав увидел, что народ решил всё же прорваться к нему и его дружинникам не удержать их. Новгородцы смяли пытающихся не пустить их внутрь дружинников и вошли в палаты.

Княгиня Анна с младенцем Рюриком вышла, понимая, что князю лучше говорить с разъярёнными новгородцами одному. Ярослав заставил себя встать на ноги и, несмотря на жуткую боль, пошёл навстречу ворвавшимся.

– Что вам надо?

– Княже! Бесчинства, творимые варягами, не знают меры! Они порочат замужних жён и забирают жизни! Призови их на суд и накажи!

Князь Ярослав посмотрел на новгородца. Открытый и честный человек, подумал о нём Ярослав, только как ему объяснить, что без этих варягов ему не справиться?

– А ты сам в чём варягов обвинить желаешь? Они воины, и если они и вздёрнули подол какой-нибудь жене, то пусть её муж с них и спросит.

– Так ведь незаконно это, и спрашивай не спрашивай, а чести это не вернёт и тем паче убиенных не поднимет из могилы. Я, князь, к тебе пришёл не потому, что тебя, калека, уважаю, а потому, что сам в стародавние времена с отцом твоим на Киев ходил и видел в тебе самого Владимира. Коли ты не можешь со своими псами совладать, то тьфу на тебя! Ты нам не князь!

Сказав это, новгородец повернулся спиной к Ярославу и пошёл прочь. Выйдя на крыльцо, этот муж закричал:

– Новгородцы! Братья! Князь Ярослав нам не защитник. Так сами защитим себя! Обнажим топоры и спросим с пришельцев цену, которую стоят наши жизни!

Ярослав слышал эти слова и понимал, что остановить такую толпу невозможно. Несколько дружинников и воевода подошли к князю.

– Собираемся и уходим в Ракому. Переждём бурю, – медленно произнёс князь Ярослав.

– Княже, у нас сейчас под рукой почти две тысячи воинов. Если выступим, то либо новгородцев образумим, ибо варягов заставим уняться.

– Нет! Мои люди из дружины мне ценнее и новгородцев, и варягов. Уходим в Ракому. Пусть сами разберутся!

Ракома находилась недалеко от Новгорода. В этом селе князь Ярослав приказал возвести себе терем, чтобы там отдыхать от шумного торгового города.

– Если новгородцы перебьют варягов, то мы вместо того чтобы использовать их в борьбе с твоим отцом, должны будем ждать удар и оттуда, – проговорил воевода, которого звали Будый.

Ярослава и Будого связывала не просто дружба. Хвастливый воевода долгие годы был пестуном Ярослава, то есть воспитателем. Конечно, князь, когда вошёл в возраст, далеко не всегда слушался своего наставника, но, бесспорно, доверял ему. Княгиня Анна относилась к Будому иначе. Княгине он не нравился, и более того, ей казалось, что его похвальба неуместна и зачастую вредна.

– Нет, Будый, – возразил Ярослав, – мы сейчас уйдём в Ракому и побережём жизни наших людей. Они нам ещё пригодятся. Варяги могут стать нам куда большими врагами, чем соотечественники.

Спустя несколько часов князь вместе со своими людьми покинул город Рюрика.

Князь Ярослав ехал на своей спокойной и старой кобыле вместе со своими людьми по городу. Тот превратился в поле битвы. Варяги пытались оказывать сопротивление, но не могли выстоять, так как многие находились во хмелю или же вовсе спали пьяными.

Новгородцы безжалостно лишали их жизни, и князь Ярослав понимал, что теперь ему не с кем противостоять отцу. Жители Новгорода, видя князя, смеялись над ним. Ярослав знал, что выглядит он вовсе не как князь, а скорее как торгаш. Он уже привык, что когда он едет верхом, то все над ним потешаются, но ехать в телеге было бы ещё хуже.

– Хромой князь! – крикнул один из новгородцев. – Ты позвал сюда собак заморских, а мы их повыведем. Ты не держи обидку на нас! Беги отсюда, мы тебя не тронем!

Ярослав ничего не ответил, а лишь крепче стиснул зубы. Зря смеёшься, подумал Ярослав, глядя на новгородца. Я хромой, но не трусливый. Я не убегаю от вас, а сохраняю жизни преданных мне людей.

– Ярослав, – обратился к князю воевода Будый, – может, всё-таки придём на помощь варягам? Их сейчас бьют сотнями! Мы будем бить новгородцев тысячами.

– А те будут бить нас. Нет. Я отомщу за варягов, но по правде они заслужили смерти.

Будый покачал головой, понимая, что, видимо, скоро самостоятельное княжение Ярослава закончится.

– Князь, а ведь твой отец не простит тебя и бросит в подземелье, как твоего брата Святополка. Если мы не выстоим в борьбе с ним, то единственное, что нам остаётся – бежать прочь!

– Верно, Будый, верно. Коли мы не выстоим, то лучше бежать, но коли мы потеряем дружину, то и бежать нам будет некуда. С оружием в руках мы найдём себе славу.

Будый посмотрел на своего князя и подумал, что и с дружиной, и без неё ему славы не найти. Так уж получилось, что хромым воином не стать, а князь – это прежде всего воин. Только на Руси, может, у тебя и есть место, и то благодаря славным деяниям твоих предков.

Глава 5

Святополк и Владислава смотрели, как начинается дождь. Князь, приобняв супругу, с улыбкой смотрел, как первые капли дождя упали на сухую землю. Князь Святополк полюбил вот так стоять на крыльце и просто смотреть на город. За время, проведённое в темнице, он понял, что именно этого ему и не хватало.

– Всё проходит! Вон смотри, и жара сменилась прохладой, и темница княжением.

– Святополк, после того как ты раздал богатства своего отца киевлянам, нам не на что больше надеяться. Мы не можем позвать никого на помощь.

– Если бы мы сохраняли эти богатства, то, не имея силы их защитить, должны были бы бежать с ними.

– В Польше мой отец дал бы тебе войско. С ним ты занял бы своё родовое княжество и после, собрав войско, взял бы и Киев!

– Может быть.

В это время к князю и княгине подошёл воин и, поклонившись, замер, смотря на Святополка с нескрываемым страхом.

– Говори!

– Княже, Борис идёт к Киеву с дружиной твоего отца!

Святополк кивнул, и воин тотчас оставил их с княгиней наедине.

– Вот и всё, Владислава! Настало нам время прощаться! Я хочу умереть в бою, пусть даже у меня и нет шансов на победу.

– Святополк, бежим к моему отцу, князю Болеславу, увидишь, он поможет мне и тебе!

– Нет, В ладя. Смерть, видно, уже стучится, но я рад, что умру в поле, а не в темнице. Ты беги к своему отцу и после всегда молись за меня!

– Коли ты будешь искать смерть в бою, то я буду её ждать здесь в палатах князя, так как негоже мне бежать.

На крыльце вышел епископ Анастас и, подойдя к князю и княгине, сказал:

– Святополк, самое время тебе смириться и принять волю твоего отца. Борис должен стать князем, а ты должен просить у него Туров, которым ты и владел во времена своего отца. Может, Борис помилует тебя и простит похищение стола его отца.

Святополк, прищурившись, посмотрел на епископа Анастаса и стиснул зубы. Хочет, чтобы я склонился перед Борисом, который младше меня и по роду, и по возрасту. Хитрый грек, предавший в прошлом своё отечество, неплохо прижился в новом, подумал Святополк. При любом князе он будет сыт и в достатке.

– Нет! Коли он князь, то пусть пройдёт дорогой своего отца Владимира, а я дорогой своего отца Ярополка. Когда моё бездыханное тело упадёт, тогда пусть он заберёт меч своего отца из моих рук!

Анастас, сделав скорбное лицо, поклонился князю, как бы выражая печаль по поводу возможной смерти одного из братьев.

– Вы оба мне дороги и дороги христиане, которые отдадут жизни в этой битве! Святополк, беги, так как, желая противостоять воле князя Владимира, которого ты и отцом считать не желаешь, ты совершаешь грех!

– Нет, Анастас, я не убегу. Пусть лучше я приму смерть.

Сказав это, Святополк оставил грека на крыльце, а сам поспешно вошёл внутрь. На улице начинался сильный дождь, да настолько сильный, что даже в трёх метрах от себя было сложно понять, кто идёт.

Внутри уже собрались ближники князя: Позвизд, Путша и несколько бояр. Все смотрели на Святополка, многие с плохо скрываемым страхом и лишь Позвизд и Путша с несгибаемой волей. Эти двое готовились к длительной борьбе.

– Святополк, – начал князь Позвизд, – закроем ворота и сядем в осаду, а сами пошлём весть к другим князьям и к твоему тестю. Может быть, кто-то отзовется и приведет помощь. Многим не по душе, чтобы править сел младший брат вперёд старших.

– Нет. Позвизд, хоть и правильно ты всё говоришь, но не сделаю я так. Я один, без вас, поеду к дружине и приму смерть. Сохраните свои жизни. Ты, Позвизд, самый лучший витязь в землях славян. Настанет день, и твоя звезда воссияет. Ты сделаешь то, что не совершил наш дед Святослав. Ты возьмёшь Царьград подобно Олегу и станешь князем князей!

– Святополк, – сказал Путша, – давай запрёмся в Киеве и соберём горожан на вече. Они, помня твою щедрость, возьмут в руки оружие, и ты поведешь нас на смертный бой!

– Нет, Путша, люди недолго помнят добро, так что я не буду созывать вече. Я умру с оружием в руках, и когда меня будут вспоминать потомки, то они не смогут сказать, что я был труслив!

– Я пойду с тобой, князь! Ты не можешь меня не взять с собой. Коли я не смог отомстить, то хотя бы умру с честью!

Святополк кивнул и подошёл к остальным. Князь медленно обвёл всех взглядом, а после рассмеялся.

– Да не дрожите вы так! Как умру, так отречётесь от меня и скажете, что стояли рядом под принуждением и из страха.

* * *

Дождь был недолгим, но очень сильным. Когда князь Святополк сел на своего коня и вместе с Путшей поехал к воротам, то он уже прекратился.

В одном месте образовалась большая лужа, и князь остановился возле неё, давая коню напиться. То же самое сделал и Путша.

– Страшно, княже?

– Страшно, Путша. А ты зачем со мной поехал? Видишь, я не смогу помочь тебе отомстить.

– Кто знает, княже. Ветер может всегда измениться. Может, мне тебя удастся отговорить. Жизнь – она ведь прекрасная штука, и она одна. Вот подумай, может, всё же сядем в осаду? В дружине в любом случае не все должны за Бориса стоять. Многие чтут старые обычаи, а согласно им «да не станет младший вперёд старшего и не возьмёт чашу брата своего, покуда тот из неё сам не напьётся». Может быть, посидим в осаде день-два? Со стен я поговорю с воинами Бориса. Глядишь, они на нашу сторону и встанут.

– Нет, Путша, нет. Я свой выбор сделал и сегодня сложу голову. Не хочу дважды и трижды умирать.

– Это точно, – сказал боярин Путша, когда его конь, напившись, поднял голову от лужи, – может, и вправду лучше умереть однажды.

Князь и Путша ехали по киевским улицам, и каждый вспоминал, как здесь же почти тридцать лет назад людей вели креститься. Кто-то шёл сам, кого-то тащили родичи, а кто-то, взяв в руки оружие, готовился умереть в старой вере. Всякие случаи были. Святополк вспомнил, как он, тогда ещё совсем маленький, вместе с другими своими братьями тоже стоял у Днепра.

Он вспомнил, как его мать радостно сорвала с него обереги и бросила их под ноги. В прошлом она была монахиней, но дед Святополка Святослав подарил её своему сыну Ярополку.

Вспомнил Святополк и то, как опускали в воду совсем младенцев Бориса и Глеба. Одному было два года, а другому год. Оба они кричали. Позвизда он тогда не помнил и не знал о его существовании. У князя Владимира было множество наложниц, и многие из них рожали сыновей. Их крестили вместе с простым народом.

В тот день рядом стоял Ярослав. Они были с ним одного возраста и частенько дрались. Это было ещё до того, как он сломал себе НОЮ. Отчаянный парень этот Ярослав. Как бы я хотел, подумал Святополк, вот сейчас, когда жить осталось всего несколько минут, обнять его!

Ярослав тоже бросил вызов князю Владимиру и перестал платить положенный ему урок. И сделал он это после того, как тот назначил своим наследником Бориса.

Князь Святополк и Путша выехали за стены Киева и рысью поскакали навстречу дружине князя Бориса. Заметив воинов, они увидели, что те идут не таясь. Да и чего им таиться, когда их так много. С такой силой взять Киев труда не составит.

– Ну всё, Путша, встретимся на том свете! А вот скажи, ты думаешь, есть ли христианский рай или всё же правы были наши деды, говоря, что человек после смерти попадает в Вальхаллу или в Вирий?

– Не знаю, князь. Мне иногда кажется, что всё это выдумки. Если нет Вирия и Вальхаллы, то как может быть рай? Мои деды умирали, и получается, у них даже шанса не было попасть в этот самый рай? Князь, давай вернёмся в Киев! Жизнь – это единственный дар Бога или богов, и других даров не будет. После смерти только тьма!

В это время навстречу князю Святополку и Путше поскакал отряд всадников.

– Примерно сорок воинов, – предположил Путша, – ну что ж, князь, видимо, пора умирать!

При этих словах Путша обнажил свой меч, а князь Святополк меч своих предков. Это будет единственный бой, в котором я буду его держать, подумал князь.

– Воины, мы с дружиной князя Владимира идём служить князю Святополку. Вы, верно, его люди, но мы не желаем вам зла! – закричал один из воинов.

Святополк и Путша переглянулись, не зная, стоит ли верить в такое счастье.

– Ну, видимо, боги или Бог с тобой, князь Святополк. Дружина Владимира тебе служить идёт. Храбрость твоя возымела награду.

Святополк неспешно поехал навстречу дружине. Когда он поравнялся с передовым отрядом, то услышал, как со всех сторон говорят:

– Да это же Святослав воскрес! Он не ведает страха!

Навстречу Святополку теперь поспешили бояре Елович и Талец, а с ними и воевода Ляшко.

– Князь, – спешиваясь и опускаясь на колени, проговорил воевода Ляшко, – прими нас в свою дружину, так как хотим служить тебе верою и правдою, как служили князю Владимиру!

Воины спешивались и, опускаясь на колени, клялись в верности князю Святополку.

Святополк посмотрел на небо и невольно прошептал:

– Есть на свете Господь. Ещё пять дней назад я не знал, увижу ли я когда белый свет.

– Князь, – сказал боярин Елович, – мы после смерти князя Владимира поспешили к Борису, чтобы забрать войско князя Киевского и не дать ему обманом повести их супротив тебя. С Борисом осталась только его собственная ростовская дружина.

* * *

Когда дружина подъехала к Киеву, навстречу им вышли епископ Анастас, бояре и множество киевлян. Позвизда среди них не было. Видимо, князь решил покинуть город, не желая служить Борису.

Киевляне встречали дружину с серыми лицами. За эти несколько дней они прониклись любовью к щедрому князю. Хотя были и те, кто тут же стал обвинять его в мотовстве, которое, безусловно, ведёт к гибели.

Впрочем, серые лица вскоре сменились ликованиями, когда киевляне увидели едущего во главе дружины князя Святополка.

– Славься, удатый и щедрый князь! Славься! – кричали простые люди.

– Сам Господь избрал тебя князем, – торжественно проговорил Анастас, смотря в глаза Святополку, – никто не мог и подумать о том, что ты станешь нашим правителем! Славься!

Святополк уловил какие-то непонятные нотки в голосе Анастаса и других бояр, которые вслед за ним подходили и славили его имя.

– А где мой брат Позвизд? – резко спросил князь Святополк у бояр.

Бояре и епископ опустили глаза, и князь почувствовал, что что-то недоброе случилось в те несколько часов, что он покинул город.

– Послушай, князь, плохо начинать своё правление с расправы над своими врагами и теми, кто, не ведая, что творит зло, желал тишины и спокойствия в христианских землях, – произнёс епископ Анастас.

Святополк прищурился. Очень ему не понравились слова епископа, и главное, что никто так и не ответил на его вопрос. Святополк повторил его.

– Где мой брат Позвизд?

– Князь, – сказал Анастас, понимая, что придётся открыть всю правду. Он явно не ожидал увидеть во главе дружины Святополка.

– После того как ты покинул город, Позвизда обуял нечистый дух, и он решил захватить власть, которая ему не положена. Он решил запереть ворота и бороться с оружием в руках, за что и был пронзён кинжалами.

Люди его тоже были побиты. Князь, он не ведал, что творил, и погиб из-за своего властолюбия, – произнёс епископ Анастас.

– Врёшь! Это вы его убили, желая преподнести его голову на блюде князю Борису! Это сделали вы! – повторил, срываясь на крик, князь Святополк, обводя взглядом бояр и епископа.

– Стой, князь, – схватил Святополка за руку Путша, не давая ему обнажить меч, – убьёшь епископа – станешь врагом всем христианам. Позвизда не вернёшь, а тебе за него ещё мстить.

– Мстить? Кому? – спросил князь Святополк. – Это они его убили. Убили, желая прославить своё имя в глазах Бориса. Виновен ли Борис в их злодействах? Воины, возьмите этих людей и бросьте в подземелье! Только Анастаса не троньте.

Воины быстро стали спешиваться и скручивать бояр, но не все убийцы Позвизда собирались умирать в темнице. Один из бояр по имени Всебор обнажил свой меч и крикнул:

– А что ты, Святополк, ублюдок без отца, чего ты стоишь за спинами своих людей? Иди и сразись со мной!

– Как пожелаешь! Я не боюсь тебя, – крикнул князь Святополк, спрыгивая с коня и обнажая меч.

– Стой, княже, – закричал Путша, но не успел остановить Святополка.

С самого начала боя стало понятно, что Святополк, прошедший много дней в заточении, сильно уступает своему сопернику. Всебор игрался с ним, а когда Святополк несколько подустал, то одним быстрым движением обезоружил князя и поднёс к его горлу клинок.

– Удатый князь, говорите? – крикнул Всебор, красуясь перед киевлянами. Боярин понимал, что в любом случае его жизнь подошла к концу и ему всё равно умирать, но вот так красиво – об этом мечтают многие.

– Носи этот шрам и вспоминай меня, – сказал Всебор, резко проведя по лицу Святополка клинком.

Святополк упал на землю, но быстро поднялся на ноги и подобрал свой лежащий на земле меч. Киевляне молча смотрели на него. Молчала и дружина. Несколько минут назад перед ними был внук Святослава Неистового, способный повести их на Царьград. Но Святослав не мог бы позволить себя одолеть. Он предпочёл бы смерть поражению.

Всебор посмотрел на Святополка с улыбкой.

– Ну и что же ты сделаешь, князь? Бросишься на меня с оружием? Или прикажешь другим лишить меня жизни?

Святополк сделал шаг навстречу боярину Всебору. Да, год в заточении не прошёл бесследно. Воинские навыки Святополка сильно пострадали. Всебор, по всей видимости, хоть и отважный воин, но далеко не самый лучший. Если бы он бился с ним до того, как был брошен в темницу, то с лёгкостью победил бы.

– Святополк, – подойдя к князю, сказал Путша, – остановись. Тебе его не победить. Признай своё поражение и сохрани жизнь этому человеку. Сохрани лицо перед киевлянами.

Анастас словно услышал слова Путши и торжественно произнёс:

– Ты, Всебор, обагрив свои руки в крови сразу двух сынов племени Рюрика. Ты убил Позвизда, нанеся ему удар кинжала в спину, и ты рассёк лицо князю Святополку!

– Убейте его! – крикнул Святополк, указывая на Всебора. – Убейте его! Я хочу его смерти!

Святополк рукавом своей рубахи вытер лицо от крови и посмотрел на измазанную в крови одежду.

– Позвизд, этот шрам я буду носить в память о тебе. Твой убийца и меня украсил.

Несколько воинов быстро спешили и легко одолели Всебора. Боярина быстро лишили жизни, но никто не ликовал. Все молчали, словно сочувствуя воину, который победил в поединке, но был убит в неравном бою.

– Ты не внук Святослава! Ты сын рабыни и тебе неведома честь! – послышался голос из толпы. Кто это крикнул, никто не узнал, но, судя по всему, именно этот голос и был голосом народа. Все считали так, и совсем недавно любимый князь стал презираемым.

Путша подошёл к Святополку и похлопал его по плечу.

– Ничего, княже, ты и не через такое проходил. Зря ты с ним на поединок пошёл, ведь после темницы совсем умение ратное исчезает. Потренируешься и станешь опять воином, тогда и бейся в поединках. Пошли скорее отсюда. Шрамы, они ведь нас жизни не лишают – это напоминание о наших ошибках.

Глава 6

Княгиня Владислава обрабатывала рассечённое лицо своего супруга и смотрела на него с нескрываемым ужасом. Князь сидел на скамье и постоянно морщился от боли, хоть его жена и старалась делать всё очень аккуратно.

– Святополк, когда ты с верным Путшей уехал на смерть, то Всебор и епископ Анастас пришли ко мне и повели меня в темницу, сказав, что отныне моя жизнь будет в руках милостивого Бориса и что когда у него будет время, то он определит мою судьбу: отправить меня к отцу или же постричь в монахи.

Святополк вновь поморщился от боли. Княгиня Владислава тут же перестала наносить мазь в этом месте.

– Больно?

– Ничего, переживу. Мажь, а не то, не дай Господь, гноиться начнёт.

Княгиня продолжила мазать, аккуратно касаясь пусть и подсохшего, но сильного пореза, который заставлял Святополка морщиться от боли даже при небольшом движении мускулов лица.

– Я не верила, что ты вернёшься, и хотела выпить яд, но епископ и боярин Всебор приказали оттащить меня в темницу. Знаешь, когда я вновь там оказалась, то мне показалось, что я оттуда не выходила и что на самом деле это был просто сон!

– Это не сон, Владя! Дружина ушла от Бориса ко мне, но теперь всё может измениться. Я на виду у всех проиграл поединок этому Всебору. За время, которое я не брал в руки меч, мои мышцы ослабли и движения перестали быть лёгкими и непредсказуемыми. Всебор на это и рассчитывал. Я выронил из рук меч своих предков!

– Святополк, это ещё не значит, что ты проиграл. Воины понимают, что если ты почти год находился в заточении, то понятное дело, что у тебя не было ни единого шанса на победу!

Святополк грустно усмехнулся. Может быть, кто-то это и понимает, но едва ли примет во внимание. Он князь и не может быть слабым.

– Я стану сильным! Я докажу им. Им просто не к кому будет уходить. Куда они от меня уйдут – к Борису? Я умерщвлю его!

– Святополк, остановись. Борис твой брат, и он признал тебя своим повелителем.

– Признал, говоришь? А ты обратно в темницу не хочешь? Никто никого не признавал. Он струсил, а теперь может взойти на стол Владимира, свергнув нас.

– Борис не единственный сын твоего отца!

– Тогда я разберусь со всеми! Всеми, кто станет у меня на пути. Тебя больше никто не посмеет бросить в темницу!

– Послушай, Святополк, ты замыслил недоброе. Убийство братьев – этого не прощают нигде.

– Я буду достойным преемником своего не то отца, не то дяди, беспутного Владимира, который умертвил своего брата. Что ж, может, он был и прав. Только убив своих братишек или заставив их склониться перед тобой, ты становишься поистине хозяином Руси!

Святополк встал и прошёлся по комнате. Мазь несколько жгла лицо, и запах, который от неё шёл, был тошнотворным. Княгиня неожиданно вздрогнула.

– Что с тобой? – спросил Святополк у жены.

– А я представила, что сейчас проснусь и вновь окажусь в темнице. Что, если сейчас сон? Что, если ты всё же умер? Что, если мы так и заключены в темнице? Святополк, я боюсь проснуться!

Святополк обнял Владиславу и погладил по голове, а сам при этом сжал кулак.

– Я отомщу, – прошептал князь, а затем произнёс на ухо княгине, – нет, мы не спим! Или нам снится один и тот же сон. Мы живы, и лучше умереть, чем вернуться в это подземелье.

Княгиня расплакалась, а Святополк стал её утешать, хотя во многом его мысли были далеко. Всебор служил Борису, и именно этот сын Владимира представлял для него наибольшую опасность. Именно с ним и предстоит ему бороться. Сейчас дружина может перейти от него к Борису, и тогда пощады ему ждать не придётся. Либо бороться, либо умереть. Есть, правда, ещё более страшное, чем смерть – медленная смерть в темнице!

– Владя, мне надо идти, иначе бояре примут это за слабость. Мне надо многое сделать, чтобы мы больше никогда не оказались в подземелье.

– Святополк, Богом тебя прошу, не поднимай руку на братьев. Давай лучше уедем, убежим из Руси к моему отцу, князю польскому. Ты сядешь править в Турове. Пусть Владимировичи грызутся за Киев. Святополк, меня бросает в дрожь от того, что здесь, всего в сотне шагов, находится то место, где мы провели целый год. Место, где свет исходит только от факелов, и место, где всегда холодно! Святополк!

Святополк повернулся и пошёл к выходу. Нет, думал князь, я никуда отсюда не убегу. Киев теперь мой, и я буду им владеть. Никто меня отсюда не выгонит. Я заплачу любую цену за право здесь властвовать.

* * *

Жара, которая стояла несколько недель, сменилась ненастьем. Дождь то начинался, то прекращался, и солнце так и не выходило из-за туч.

Святополк в очередной раз вышел на крыльцо и посмотрел на город. Жалко, что самую прекрасную погоду я провёл в подземелье, хотя и в прохладе есть своё очарование. Так легко дышится.

Князь Святополк не выдержал и рукой коснулся своего шрама. Это прикосновение тут же обернулось болью, но, видимо, мазь и впрямь помогала.

Сделав несколько вдохов, Святополк вошёл внутрь, где уже стояли бояре и воеводы. Все внимательно смотрели на него.

– Борис, сын князя Владимира, признал моё старшинство, и я хочу его наградить новыми землями, – проговорил князь Святополк, – ты, Ховруш, поедешь в стан моего брата и передашь ему мою волю.

Ховруш поклонился князю Святополку и, выйдя вперёд, задал вопрос:

– А коли князь Борис Владимирович спросит, какими землями ты его желаешь наделить, какой мне ответ дать?

– Я этого ещё не решил и думаю. Пусть он пока со своей дружиной стоит на реке Альта и стережёт печенегов, которые по-прежнему угрожают нашему Отечеству.

– Князь, – вмешался воевода Ляшко, – с Борисом стоит только дружина, которую он привёл с Ростова. Она немногочисленна, и в случае столкновения с печенегами она не выстоит.

– Ховруш, передай также Борису, чтобы он в случае столкновения с печенегами отходил, не вступая в бой, – произнёс князь Святополк. – Ляшко, Елович, Путша и Талец, я сегодня же поеду в Вышегород, где разместились моя младшая дружина. Хочу, чтобы вы ехали со мною.

Воевода Ляшко поклонился князю. То же самое сделали и бояре Елович и Талец, лишь Путша долго испытывающе смотрел на Святополка.

– Князь, – сказал Путша, – а стоит ли в ночь ехать в Вышегород? Разве не подождёт это до утра? Сейчас и погода ненастная!

– Нет, Путша, – ответил Святополк, – такое не ждёт. Мы едем сегодня же. Если вечно всё переносить на завтра, то жизни на все дела не хватит!

Бояре стали ухмыляться, услышав слова князя. Святополк и Путша смотрели друг другу в глаза. Путша понял, что Святополк неспроста решил уехать в Вышегород, но никак не мог понять, для чего. Только что, по мнению Путши, Святополк сделал наиглупейший поступок, решив увеличить удел Бориса. Этот Борис ведь представляет наибольшую опасность!

Князь повернулся и вновь вышел на крыльцо, давая понять боярам, что всё уже сказал. Путша вышел вслед за ним. На улице начинался дождь, хотя вернее было бы сказать, что он и не прекращался.

– Князь, чего это ты удумал ехать в Вышегород проверять младшую дружину?

– Увидишь, Путша. Всё увидишь, – ответил ему Святополк, – не могу я сейчас тебе всего рассказать.

– Если ты надумал бежать, то на дружину не надейся. Она бросит тебя, князь.

– У меня этого и в мыслях не было. Видишь, Путша, как получилось – ты со мной на смерть поехал и благодаря этому жизнь свою сохранил. Коли остался бы в Киеве, то, может быть, тебя бы сейчас хоронили, как князя Позвизда.

– Ты так и не был у его тела?

– Нет, Путша, не был. Как только мне будет, что ему сказать, приду и скажу. Хотя сейчас, я думаю, ему мирское не важно. Он на небе и там с Богом говорит.

Путша задумчиво покачал головой, а потом проговорил, словно размышляя вслух:

– Может, ты и прав, Святополк, стоит уехать из Киева, а не то, не ровен час, и вправду кончишь жизнь как Позвизд. Киевские бояре тебе не верны. Они вообще сейчас никому не верны и лишь о своих интересах пекутся. Впрочем, это ведь нормально, люди должны о себе заботиться.

– Поверь мне, Путша, я не боюсь смерти!

– Я уж понял, – ответил Путша, – это я понял, когда с тобой из Киева выехал. Я ведь до последнего надеялся тебя отговорить и убедить закрыть ворота перед дружиной. А что Позвизд умер, так, может, это и хорошо. Знаешь, а ведь Владимир своё правление начал именно с того, что стал мстить за смерть брата. За смерть Олега Святославовича.

Святополк ничего не ответил на слова Путши. Князь лишь смотрел, как хлещет дождь, и наслаждался, когда капли, гонимые ветром, попадали на его лицо. Человек, хоть раз по-настоящему испытывавший жажду, не может не радоваться дождю и влаге. Святополк прошёл через такое. Жажда, тьма, голод и отчаяние.

* * *

К Вышегороду, который находился всего в часе езды от Киева, Святополк и его люди прибыли насквозь промокшими. В Вышегороде, увидев, что приехал князь, тут же засуетились и стали готовить кушанья. Впрочем, Святополк и его ближники предпочитали еде тепло и подошли к очагу, который развели челядины.

– Ну вот, – проговорил Ляшко, – и к чему было ехать сюда в ночь? Дружину младшую всё равно завтра смотреть будем. Только промокли.

– Нет, не завтра, Ляшко, – медленно, отчётливо произнося каждое слово, проговорил Святополк, – сегодня вы, мои самые ближние бояре, докажете свою верность.

Все посмотрели на Святополка, не понимая, что же удумал их князь. Чего он хочет?

– Елович, Талец, вы служили князю Владимиру и, конечно же, хотели бы служить Киевскому князю, так как это дало бы вам возможность сохранить своё положение. Вы поехали сначала к Борису, чтобы поскорей склонить свои головы перед ним. Ты, воевода Ляшко, был воеводой у князя Владимира. Почему ты последовал в Киев и поклялся мне в верности?

Бояре Елович и Талец стояли молча. Да и что им было отвечать, когда князь Святополк попал в самую точку? Елович задумался о том, кто же мог подсказать князю Святополку всё это. Или, может быть, сам осмыслил?

– Я поехал в Киев, потому что вся дружина решила туда идти и присягнуть тебе. Князь Борис не хотел сам выступать против тебя, боясь замарать руки в твоей крови. Может, он надеялся на то, что тебя умиртвят в Киеве его сторонники или ты дрогнешь и убежишь к своему тестю. Не ведаю. Но он не хотел идти и брать Киев силой.

– Честно говоришь, воевода. Я люблю честность, – сказал князь Святослав, поднося руки к огню, – жарко? Огонь быстро согревает.

Все стояли молча, понимая, что вот-вот князь скажет что-то действительно важное.

– Путша, ты вместе с ними, – сказал князь, обведя взглядом Еловича, Тальца и Ляшко, – поедешь к Борису и привезёшь мне его тело. Я хочу, чтобы он умер.

Путша кивнул и улыбнулся, а вот бояре Елович и Талец, поморщившись, даже несколько отошли от огня. Ляшко не дрогнул и после нескольких секунд тишины проговорил:

– Кровапролитие и братоубийство стоит только начать и его уже нельзя будет остановить!

– Не я его начал, – произнёс Святополк, – не я отнял жизнь у Позвизда!

– Тот, кто отнял её, действовал по своему умыслу, – вмешался боярин Елович, – князь Борис здесь не при чём. Княже, пожалей своего брата, он тебя старшим признал!

– Признал. Он признал, а его люди нанесли мне удар. Прости один удар, и тебе тут же нанесут ещё один. Око за око!

– Княже, но разве в ответе князь за деяния своих людей? – спросил боярин Талец, который явно не хотел в этом участвовать.

– Ну что ж, коли не хотите мне служить, то идите прочь. Путша и без вас всё сделает, – сказал Святополк, внимательно всматриваясь в лица бояр.

– Нет уж, я тебе в верности клялся, – сказал боярин Елович, – просто я тебе совет давал, так сказать, по-отечески! Коли хочешь тело Бориса увидеть – увидишь. Сам ему своей рукой кровь пушу.

От этих слов Путша и Ляшко чуть не рассмеялись, но Елович на них лишь злобно зыркнул, как бы говоря, мол, смотрите, со мной шутки плохи.

– Выезжайте с малой дружиной, как только рассветёт. Борис не будет этого ждать, и вы сможете его умиртвить. А узнав о том, что вы приближаетесь, он только подумает, что я послал ему на помощь своих воинов.

– Хитро придумал, – произнёс Путша.

– Ладно, князь, – сказал боярин Талец, – коли завтра в путь, то надо и поспать. Чего говорить – дорога дело такое.

– Я тоже, пожалуй, пойду спать, – поддержал боярина Тальца Елович, – в наши годы дорога даётся с трудом. Было время, и мы скакали по лесам и полям, по три дня не спав, а теперь всё иначе.

* * *

Уже почти светало, когда Елович подошёл и толкнул боярина Тальца, который всю храпел.

– Ааа! – вскочил боярин Талец и тут же потянулся к своему мечу, но Елович остановил его.

– Тише! Чего орёшь, пойдём на воздух поговорим.

Талец спросонок повертел головой, но достаточно быстро пришёл в себя, поднялся с постели и быстро стал натягивать полусырые штаны, завистливо поглядывая на Еловича, который, по всей видимости, успел лучше обсохнуть у огня.

Бояре вышли на улицу, где уже поднималось солнце. Его первые лучи развеивали мглу.

– Думаешь, погода будет сегодня жаркой? – спросил Елович.

– Кто его знает. Может, и будет, если ветер туч не нагонит. Ты для чего меня разбудил-то? Чтобы рассвет встретить вместе? Я тебе не красна дева, чтобы лучиками восторгаться!

– Послушай, Талец, князь Святополк нас на такое дело посылает – век потом ни мы, ни роды наши не отмоются.

– А чего ты предлагаешь? Может, пойдём своей дорогой, а князь своей?

– Да не про это я говорю, боярин. Мы с тобой много лет рука об руку идём, вот я и подумал, давай сообща сделаем.

– Чего?

– Ты, когда болото переходишь, палку берёшь?

– Внуков своих учи и говори с ними, словно старец умудрённый, а мне давай прямо! – недовольно перебил Еловича Талец.

– В общем, надо к Борису нам человека отправить, чтобы он узнал, что мы его умертвить идём. Пусть убежит. Видишь, как сейчас дела обстоят – князь Святополк пока не крепко в Киеве сидит. Может, князь Святослав Древлянский, сын Владимира и Малфриды, тоже власти захочет. А ну как Святополка сгонит? Мы должны чистыми остаться, а не в крови вымазаться.

Талец почесал брюхо, злобно отметив, что солнышко, которое начинало греть, скрылось за тучу, а на него упала капля дождя.

– А если гонец попадётся или предаст?

– Ну так на человеколюбие всё свалим, а коли Борис всё же к власти придёт, так мы его спасителями будем. А за такое, сам понимаешь, полагается и наградить.

– Верно! Только где нам человека такого найти?

– Есть у меня один, именем Пётр. Грек, но в воинском искусстве сведущ, а посему и в дружине. Пошлём его к Борису, как отъедем от Киева. Он, может, и успеет вперёд. По дороге я с коня упаду, и мы на несколько часов остановку сделаем.

– Ну у тебя и голова, – сказал Талец, – ты, видно, всю ночь не спал, такое выдумывал!

В это время на крыльцо вышел Путша и, посмотрев на бояр, недоверчиво спросил:

– Чего это вы встали так рано? Вчера кричали, что в ваши годы сон необходим!

– Так не всегда он приходит, – отозвался боярин Елович, – мне человека убить предстоит и не в бою, а словно тать. Я, знаешь ли, к такому не очень привык!

Путша ухмыльнулся. Бояре смотрели на него с плохо скрываемой брезгливостью.

– А ты особо об этом не думай. Я вот, когда с тобой рядом стою, то не думаю, что самое твоё место вон там, – сказал Путша, указывая пальцем на землю, – тебе всё равно ни в Вальхаллу, ни в Вирий, ни в рай не попасть, так что одно душегубство мало что изменит!

– Ты бы лучше не об этом толковал, – влез в разговор Талец, – в Вирий, в рай... Ты лучше бы подумал, что делать будем, коли ростовская дружина решит за князя Бориса насмерть стоять. Мы вот с Еловичем об этом только и толкуем. Думаешь, сможем разбить князя Бориса?

Путша задумчиво посмотрел в небо, а потом ответил:

– Да не будут они за него стоять. Не будут они служить ему.

– Посмотрим, – проговорил боярин Талец, – а то вы тут вместо того чтобы о делах насущных думать и о том, как волю князя исполнить, свару решили затеять. Дело злое... Тьфу. Сделаем, что нам велено, и камень с плеч. Я так мыслю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.